

АЛЬБЕРТ БАЙКАЛОВ

*Бизнес
на детях —
самое дно
подлости*

*Путь
живого товара
устлан
трупами*

ЗЛОВЕЩИЙ ДЕТДОМ

КРЕСТОПОВАЛ

СОВРЕМЕННЫЙ БОЕВИК-ДЕТОНАТОР

Крестоповал

Альберт Байкалов
Зловещий детдом

«ЭКСМО»

2013

Байкалов А. Ю.

Зловещий детдом / А. Ю. Байкалов — «Эксмо»,
2013 — (Крестоповал)

Частный сыщик Матвей Кораблев разбирается в странной череде смертей, за короткий период уничтожившей всю семью спецназовца Ткачева. Сначала на учениях погиб сам Ткачев, спустя некоторое время на машине разбилась его жена, а буквально через месяц после автокатастрофы в собственном доме сгорели тесть и теща спецназовца. Матвей приступил к расследованию, но ничего криминального не нашел — сплошные несчастные случаи. Он собрался было прекратить следствие, но внезапно неизвестные попытались устранить его. Матвей понял, что кого-то очень испугал своим расследованием, а значит, Ткачев и его близкие погибли не случайно...

© Байкалов А. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Альберт Байкалов

Крестоповал. Зловещий детдом

Пролог

– Значит, не хотите подписывать отказ? – снова повторил свой вопрос Колган.

Сидевшие на диване старики переглянулись и в который раз покачали головами. Они чем-то напоминали Колгану китайских болванчиков. Сделанные из фарфора статуэтки символизируют равновесие между материальными благами и духовными достижениями. Считается, будто с каждым покачиванием ими головами в мире увеличивается богатство, счастье, здоровье и становится больше любви. Только вот для Колгана отрицательный ответ этих двух упрямцев означает все в точности до наоборот. Если престарелая чета продолжит упорствовать, не видать ему и его помощнице, а согласно юридическому определению, сообщнице, своих законных тридцати пяти штук зелены. Ровно во столько обойдется российскому представителю американского агентства по усыновлению детей Ирине Васильевой в случае успеха их гонорар. Колган был уверен, что деньги он свои получит. Однако цель, скорее всего, будет достигнута иным, нежели уговоры, способом. Об этом ему сейчас хотелось думать меньше всего. Хотя именно для таких случаев он и отправлялся на подобные беседы. Убивать несговорчивых было его работой, и подходил он к ней творчески. Все его смерти смахивали на несчастные случаи или, на худой конец, на самоубийства. По-другому нельзя. Слишком пикантными были каждый раз причины, из-за которых они на пару с Лапшой отправляли на тот свет людей. Имея полтора десятка лет стажа работы в команде Васильевой, бывший сотрудник тогда еще милиции Колганов Герман Геннадиевич со временем стал относиться к этому процессу как к данности. Все равно подобные этой ситуации Колган считал для себя нестандартными. Одно дело – отправить на тот свет спившуюся мамашу, добавив в пойло отраву, или устроить смерть от передозировки сразу целой семье наркоманов. Совершенно другое – упокоить раньше времени вот таких вот благообразных мужчину и женщину, которые за свою жизнь мухи не обидели. Однако, пока до этого не дошло, он играл роль помощника Лапши, которая выдавала себя за работника департамента в сфере защиты детей, и все еще надеялся, что проблема разрешится другим способом.

– Вам сколько лет? – стоявшая в дверях Лапша уже поняла, что разговор предстоит долгий, и стала медленно расстегивать куртку. – Еще немного – и за самими уход понадобится, а вы хотите ребенка взять!

– Так не чужой он нам, – перевел на нее взгляд старик. – Родная кровь. Отчего же тогда он должен по чужим людям маяться?

– Почему маяться? – воскликнула Лапша и вопросительно уставилась на старика.

– Ну, как? – он переглянулся с женой и вновь посмотрел на Лапшу. – Не по-людски это.

– А по-людски в этой халупе жить? – вновь перехватил инициативу разговора Колган. – Каково парню будет, когда подрастет? В деревне людей раз-два и обчелся... Школу, сами скажали, скоро закроют. И будет он тут с вами коровам хвосты крутить...

– Школа в соседнем селе останется, – оживился старик. – Тут близко. А ежели что, так, – он посмотрел на старуху, – Анастасия Петровна учительница. Как раз в начальных классах преподавала.

– Да, – протянула Лапша, опускаясь на стул, – тяжелый случай!

Словно испугавшись, что его сейчас ударят, Михаил Юрьевич втянул голову в плечи.

– Чего же вы нас мучаете? – всхлипнула Анастасия Петровна, поправляя повязанный на голове платок. – Вам же сказано – нет!

Было видно, им изрядно поднадоели поздние гости, но воспитание не позволяло выставить этих двух городских за дверь. Молодой мужчина, представившийся Борисом Сергеевичем, и его спутница, со слегка раскосыми глазами, назвавшаяся Гавриловой Ларисой Петровной, заявили, когда супруги уже собирались ложиться спать. Ворвавшись словно фурия, женщина с ходу стала совать под нос какие-то документы, в которых требовалось старикам расписаться. Однако Суркины были людьми образованными, не чета остальной части небольшого поселка Кряжки, расположенного на границе Вологодской и Костромской областей. Михаил Юрьевич всю жизнь проработал в сельской больнице врачом, а супруга в школе. Да и жизнью обучены. Сколько раз пенсионеров в районе одурачивали? То лекарства копеечные продадут, то выплаты утраченных в девяностых вкладов пообещают за небольшую плату. Много чего. Поэтому Михаил Юрьевич вначале внимательно прочитал бумагу и понял, что темнят гости. Не нужно им разрешение на перевод из дома малютки в детский дом их Антона, а хотят они получить отказ от внука, на которого старики оформляют опеку.

– А если мы вам заплатим? – неожиданно выпалила Лапша.

Даже Колган от такого предложения опешил. Интересно, что она имеет в виду? Может, правда решила поделиться с ними своей частью гонорара?

Сидевшие на диване Анастасия и Михаил Суркины как по команде повернули головы на Лапшу. При этом в глубине глаз стариков появился страх.

– Да что вы такое говорите? – едва слышно проговорила женщина. – Как вам не стыдно?

– Почему мне должно быть стыдно от того, что я хочу устроить будущее вашему внуку? – Лапша склонила голову набок и грустно улыбнулась.

Она светилась заботой и добротой. Казалось, от этой милой и еще молодой женщины нельзя ждать чего-то плохого, и она даже не может допустить какой-то дурной мысли. Колган не переставал удивляться талантам бывшей проститутки. Лапша без подготовки играла роли, которые с трудом бы дались именитым артистам. Напоминая то кроткую барышню из чеховской пьесы «Три сестры», то толстовскую Наташу Ростову, злодейка пускала в ход все свои чары. Она была очень красива, и в свои тридцать пять скорее походила на очень заботливую маму. Большие, добрые глаза, грудной, теплый голос, ровно уложенные каштановые волосы. Все в ней было идеально, без изъяна. Даже родинка над уголком губы. Глядя на нее, Колган всегда поражался тому, с какой точностью Васильева подобрала в команду человека.

– Да поймите вы, – между тем возмущенно сверкнул глазами старик и встал, – у нас одна дочь была... Как мы ее ребенка в чужие руки отдадим?

– Ты, папаша, сядь, – догадавшись, что все дипломатические способы достижения цели исчерпаны и настал его черед, Колган с шумом поднялся со стула.

– А почему вы командуете в моем доме? – вскинув подбородок, повысил голос старик.

– Что, решил права покачать? – разозлился Колган, размышляя, каким образом отправить хозяев на тот свет. – Давай! Мы вот сейчас твои бытовые условия проверим, акт накачаем, и не увидишь ты своего Антошечки до самого совершеннолетия.

– Как будто, если напишу отказ, лучше будет, – резонно заметил старик.

Однако Колган уже не слушал его. Окинув комнату изучающим взглядом, сунул руки в карманы куртки и направился в кухню. Дед засеменил следом.

– Вы, Анастасия Петровна, не видите всех преимуществ, которые вашему внуку дает этот отказ?! – заторопилась Лапша, заметив, что бабка собралась выйти за мужчинами следом. – Так ведь не отказ это вовсе!

– А что, по-вашему? – простонала женщина.

– Вы передаете полномочия по его воспитанию людям, которые могут и создадут для него более комфортные условия! – включила Лапша все свое красноречие. – Он, когда вырастет, вам только спасибо скажет!

– Не уговаривайте нас! – взмолилась женщина и шагнула к выходу из комнаты.

Однако Лапша преградила ей путь:

– Подумайте еще раз!

Вслушиваясь в доносившиеся из комнаты голоса, Колган прошел на кухню и огляделся:

– Показывай, чем хоть сами питаетесь?

– Это что, обыск? – нахохлился старик.

– Вы не согласны с нашим предложением и настаиваете на опекунстве, – напомнил Колган. – Поэтому должны убедить, что ребенок будет иметь все необходимое для нормального развития.

– Но при чем тут холодильник? – старик часто заморгал глазами. – Будет здесь жить внук, появятся в нем и молоко, и фрукты...

– Значит, сейчас там пусто? – Колган, не мигая, уставился старику в глаза.

– Совсем стыд потеряли, – сокрушенно вздохнул Суркин и, протиснувшись между ним и стенкой, открыл старенький холодильник, оказавшись к Колгану спиной.

– Гляди...

Колган левой рукой обхватил хозяина дома за шею и прижал к себе. Правой выхватил из кармана куртки электрошокер, с силой приставил к его животу, в район солнечного сплетения, и надавил на кнопку.

«Двадцать два, двадцать три», – стал мысленно отсчитывать Колган, не понаслышке зная, что для того, чтобы человек надежно отключился минут на пятнадцать, шокер нужно держать не менее пяти секунд.

– Ы-ых! – вырвалось из выгнувшегося дугой старика, который едва не выбил Колгану затылком зубы.

Неестественно вздрагивая, Сурков стал оседать.

«Двадцать шесть, двадцать семь», – продолжал Колган, наклоняясь вслед за дедом.

На напряженных уголках открытого рта Суркина появилась пена.

– Достаточно, – выдохнул Колган, убирая от старика электрошокер.

Старик нужен был живой. Иначе не устроить убедительную гибель от огня. Колган хорошо знал, какие в таких случаях проводятся экспертизы. Специалисты с легкостью устанавливают причину смерти человека. Если убить старика раньше, у него на слизистых дыхательных путях не обнаружится следов гари и не будет ожогов. Вместе с тем анализ крови из уцелевших сосудов покажет, что в ней отсутствует углекислый газ, которым сторевавший человек обязательно должен надышаться.

Подхватив деда под руки, Колган осторожно уложил его на бок. Прислушался. Из комнаты продолжал доноситься голос Лапши:

– Вас будут информировать, как идут дела у внука...

Колган приложил два пальца к шее старика. Он опасался, что сердце пожилого человека такого разряда может уже не выдержать. Тем более, Колган использовал в разы большую мощность, чем разрешено российским ГОСТом. Это устройство он купил год назад на черном рынке у одного умельца и еще ни разу не пожалел. Очень удобная во всех отношениях вещь. Еще бы, в корпусе российского «Удара-24» была спрятана начинка американского Taser M-26, разрешенного к применению даже в США только полицией. Но дед был жив. Значит, у Колгана есть в запасе как минимум пять минут.

– Вы прямо как маленькие, ей-богу! – возмущалась в комнате ничего не подозревавшая старуха.

– Что вы говорите?! – вопила Лапша. – Вот мне делать было нечего, и я прикатила к вам за столько километров! А ведь у меня семья, дети...

Колган улыбнулся ее вранью.

– Поймите, государству не безразлично, как будут расти и развиваться его граждане, – с назиданием отчитывала женщину Лапша. – А вы прямо как собственница какая. Может, рассчитываете на пособие, которое вам будет после усыновления положено?

– Побойтесь бога! – стыдила ее старуха.

Колган шагнул к печке. Присев на корточки, натянул на руку рукав свитера и открыл дверцу. В лицо ударил жар. Над алеющими углями играли язычки голубоватого пламени. Он знал, это угарный газ – невидимый убийца.

Колган едва успел выпрямиться, как голоса стали стремительно приближаться. Он протянул руку к трубе и вдавил до упора задвижку. Из щелей печи тут же закурился едва видимый глазу дымок, а в нос ударил запах гари. Колган бросился прочь из кухни, едва не столкнувшись с бабкой прямо в дверях комнаты.

Он не видел себя со стороны, но знал, что выглядит не лучшим образом. Однако реакция женщины была слишком бурной. Ее нижняя челюсть отвисла, а губы образовали окружность:

– Ох!

Отчего-то Колгану вдруг захотелось вставить туда большие пальцы рук, ухватить старуху за скользкие от слюны щеки и разорвать этот ненавистный рот. Но он пересилил себя. Нельзя. Внешние повреждения могут насторожить следствие. Конечно, труп по замыслу должен обгореть, а копаться в причинах пожара, который должен сжечь все улики, вряд ли кто-то захочет, но чем черт не шутит? Несмотря на то, что перед каждой подобной акцией Колган проводит тщательную проверку, он не может всего предусмотреть. И хотя достоверно установлено, что родственников после гибели дочери у стариков нет, а зять трагически погиб в армии, никто не может дать гарантии, что кого-то не пропустили.

– Что? – Колган уставился в перепуганное лицо, наслаждаясь таким знакомым, но постоянно новым чувством. Нездоровый восторг вмиг заполнил его до краев. По телу пробежал озноб, а воздуха стало не хватать.

– Где Миша? – одними губами спросила женщина.

В ее глазах появилась странная пустота, а предчувствие неизбежной смерти увеличило зрачки до размеров вселенной. Колган никогда не мог понять этот взгляд. Так смотрит человек один раз, в последние мгновенья жизни, и не каждому суждено испытать его на себе.

Колган бесцеремонно положил ладонь на плечо женщине. Оно было худым и сквозь одежду теплым.

– Что? – вконец растерялась она.

Привычным движением Колган развернул ее спиной к себе и с силой двинул основанием кулака по темени. Оглушенная женщина негромко вскрикнула и стала заваливаться на подкошенных ногах. Колган не дал ей упасть. Он зажал нижнюю часть лица ладонью левой руки и прижал голову несчастной к своей груди. Правой обхватил руки. Платок сполз на лицо. Однако женщина не потеряла сознания. А может, сразу пришла в себя? Колган почувствовал это по едва уловимым вибрациям вновь начавшего подчиняться ей тела. Однако пока она ничего не предпринимала. Женщина словно оцепенела. Так всегда. Какое-то время она будет бездействовать. Но еще немного, и до ее начавшего мутиться от кислородного голодания сознания дойдет, что произойдет совсем скоро. Тогда удерживать ее будет очень трудно. А у них совсем нет времени.

– Ноги! – зло крикнул Колган заворуженно наблюдавшей за происходящим Лапше.

– Что? – вздрогнула молодая женщина и тут же кивнула: – Да! Сейчас.

Хрустнув суставами, Лапша присела, обхватила ноги старухи за щиколотки, легко оторвала от пола и прижала к себе. Женщина словно ждала этого момента и неожиданно выгнулась. Но от усилий лишь захрустели связки. Тогда она вцепилась руками в запястье и зажавшие рот пальцы Колгана. Ногти больно впились в кожу. Колган вновь подумал про тех, кто будет осматривать трупы или то, что от них останется. Вдруг начнут копать? Тогда навер-

няка найдут под ногтями кожу. Нет, таких оплошностей больше допускать нельзя. Впредь надо будет работать чище.

– М-мм! – билось в конвульсиях старое тело.

По лбу Колгана потекли капельки пота.

Он подтащил ее к печке. Продолжая прижимать рот, присел на корточки и левой рукой открыл дверцу. В лицо ударил жар.

Старуха подтянула ноги и резко выпрямила, пытаясь отбросить Лапшу.

– Смирись, бабуля! – просипел Колган, отправляя ее голову в печь.

Как он ни старался, все же, убирая ладонь со рта, обжег запястье. Перебирая руками, они на пару с Лапшой до самых плеч всунули бабу в топку. Втянув полные легкие жара, несчастная забилась в конвульсиях. Как бы она ни старалась, но задержка дыхания была слишком длинной, чтобы не дышать. Бедняжка все чаще и сильнее вдыхала в себя раскаленный воздух, который выжигал ее нутро, странно, горбом напрягала спину. Глаза заслезились от зловония жженого мяса и горелых волос.

– Достаточно! – крикнул Колган и потянул бабу за мокрые бедра.

Обуглившаяся и дымящаяся голова со страшным, леденящим душу звуком ударилась об пол, рассыпая во все стороны искры и алые угли.

– Волоки ее в комнату! – крикнул Колган Лапше и бросился за стариком.

– Все?! – зачем-то крикнула Лапша.

Она продолжала держать старуху за ноги.

– Нет, – на полном серьезе ответил он.

– Как? – опешила она.

– Сейчас отдохну и додую.

– Дурак! – Лапша потянула бабу за ноги, оттаскивая от печи.

Колган бросился за стариком. Он еще не пришел в себя.

Схватив его под руки, Колган подтащил его к печке.

– Что мне делать?! – провыла Лапша.

Колган усадил старика у печи и посмотрел на бабу:

– Раздевай ее!

– Как?! – ужаснулась Лапша.

– Молча! – зарычал он. – До половины. Будто спать собирались и заметили, что пожар.

Колган еще мог объяснить массу других причин сделать это. Так, полуодетые хозяева наведут на мысль, что у них наверняка не было никаких гостей. Ведь не станут же они впускать в дом посторонних без одежды.

– Ага, – догадалась Лапша и стала расстегивать на груди у женщины тлевшую кофточку.

– погоди! – поморщился он. – Кровать расправь!

– Сейчас! – Лапша вскочила на ноги.

Колган обхватил старика за пояс, приподнял и отправил головой в топку.

Однако через мгновение боль привела Суркина в чувство. Старик упер руки в печь и часто задышал. Из нутра печи раздался нечеловеческий, леденящий кровь в жилах вопль. Но он тут же стих. Старик дернулся так, что Колган с трудом удержал его. В какой-то момент ему вдруг показалось, что печь сейчас разлетится по кухне кусками раскаленных кирпичей. Из топки повалили сизые клубы раскаленной золы. Мужчина враз обмяк, а по полу растеклась лужа мочи.

– Ну, вот и умничка! – похвалил его вслух Колган. – Только вот обделался зря!

Мысленно досчитав до десяти, он вытянул тело наружу. Старик с шумом завалился на бок.

Дом наполнился едким дымом и невыносимым зловонием.

– Поторопись! – крикнул Колган в комнату и выпрямился.

– Не кричи! – раздался испуганный голос Лапши.

Отдышавшись, Колган встал, подошел к старомодному серванту. На полках стояли посуда и хрустальный сервиз. Утирая рукавом градом катившиеся из глаз слезы, он присел на корточки и открыл дверцы нижнего отсека. Полки оказались до отказа забитыми пустыми банками. Немудрено, в деревнях такая тара ценится. С осени закатывают в них помидоры, огурцы, маринуют грибы. Потом загружают ими изредка навещающих из города родственников. Хотя кто может к Суркиным приехать? Одни они, если не считать совсем еще маленького внука, оцененного Васильевой в пятьдесят тысяч долларов.

Из стоявшей у дверей дорожной сумки Колган достал специально прихваченную бутылку с керосином. Перелив его в банку, разлил у печки, плеснул на старика, облил лежащую в комнате женщину. Бутылку убрал в пластиковый пакет, который уложил обратно в сумку. Банку вложил в руку старика. Едва Колган закончил, как в дверях кухни возникла Лапша. В глазах нездоровые огоньки, на щеках румянец.

– Все? – то ли спросила, то ли констатировала она.

– Кажется, да, – оглядев результаты своего труда, кивнул Колган. – Выходи!

Дождавшись, когда Лапша закроет за собой двери, он достал из кармана зажигалку.

Глава 1

Синоптики не ошиблись: последний месяц года был морозным. Прошедший в Москве и области ледяной дождь преобразил лес, и он теперь казался сделанным из хрусталя. Покрытый похожим на тонкое стекло настом снег блестел на солнце и заставлял щуриться.

Выкатившись с лыжни на раскатанный детворой склон, Матвей Кораблев оттолкнулся одновременно двумя палками, присел и понесся к дороге. Встречный ветер выбил слезу. Съехав с горы, он прокатился по инерции немного вдоль проселка и встал. Приводя дыхание в порядок, воткнул в снег палки, запрокинул голову назад и мечтательно посмотрел в бездонную синеву зимнего неба.

Сидевшая в ветвях сосны синица, склонив голову, с интересом наблюдала за молодым мужчиной. Он был среднего роста, но для маленькой птички казался, конечно, громадным. Однако она его не боялась. Ее успокаивал взгляд добрых, серых глаз этого светловолосого исполина. Она знала, живет он в красивом кирпичном доме, построенном недалеко от окраины поселка, который возник на месте деревни. Да и как ей его не знать? Ведь летает к нему во двор синица каждое утро, чтоб полакомиться салом, кусочек которого он на пару с такой же доброй и молодой женщиной привязывает к ветке недавно посаженной у входа яблони. Может, и сейчас узнает, сунет руку в карман да и даст чего?

Матвей по-дружески подмигнул синице, присел, отстегнул крепления, забросил лыжи на плечо и двинул в направлении поселка.

Нет, лыжи не для него. Ходить-то он на них умеет, и иной раз может дать фору даже заядлому любителю. Но не нравились они ему, и все. Купил сразу, как переехал за город. Парка, как по соседству с домом в Москве, здесь не было. Вернее, окружавший поселок лес ни в какое сравнение не входил с теми островками природы, что в столице. Но прелести дальнего Подмосковья вдруг как-то враз ограничили его возможности занятия спортом. В лесу не было дорожек, а по колено в снегу долго не набегаешь. Хотя пробовал, и поначалу даже казалось, что в этом есть какой-то плюс. Нагрузки на ноги увеличивались в разы. Однако на третий день отказался от этой затеи. И дело не только в том, что со стороны это диковато смотрится. Укрытые толщей снега и невидимые глазу коряги, пни и просто упавшие ветки создавали массу неудобств и были опасны. Бегать по тропинке скользко. В то же время и бассейна нет, где можно было вдоволь поплавать. Вернее, на первом этаже своего дома он построил небольшой, как выразилась Марта, «лягушатник», но он скорее для отдыха в жару, нежели для поддержания тела в спортивной форме. Много ли наплаваешь, когда от одной стенки до другой и десяти метров нет? К тому же зимой, как выяснилось, из-за него в квартире сыро. И вообще, Матвей не хотел признаваться, но построил он его больше для своих будущих детей. Не будут же они с Мартой вот так вот всю жизнь вдвоем?

За размышлениями Матвей свернул на свою улицу, образованную десятком коттеджей, первые этажи которых прятались за высоченными заборами. Не нравилась ему эта дань традициям. Лихие девяностые увеличили их высоту. Словно эти кирпичные преграды могли остановить злодея. То ли дело в Европе. Забор лишь указывает на то, что за ним частная собственность. Невысокие декоративные оградки вынуждают хозяев усадеб поддерживать во дворах порядок. Лужайки и деревья подстригаются, дорожки метутся, повсюду цветы... Идешь, и глаз радуется. А у нас, разбери что за забором творится, может, тюрьма частная или пушка в клумбе?

Матвей уже почти дошел до середины улицы, где располагался и его дом, как рядом скрипнул тормозами «Рено». Каково же было его удивление, когда за рулем он увидел улыбающегося во весь рот Рыкунова Валеру.

– Здорово, Матрос! – толкнув дверцу, воскликнул Рык.

– Каким ветром? – Матвей воткнул лыжи в сугроб слева от дорожки и вытянул руки навстречу выбравшемуся из-за руля другу.

Они обнялись.

– Ну, ты и забрался! – отстранившись от Матвея, с восхищением выдохнул Рык.

Матвей показал рукой на ворота:

– Подъезжай, сейчас открою.

– Не стоит! – запротестовал Рык. – Я ненадолго.

– Чего? – не поверил своим ушам Матвей. – Хочешь сказать, что ты в такую даль на полчаса перся?

– Так и есть, – на полном серьезе сказал Рык и забрался обратно за руль.

Поставив машину напротив калитки, друзья вошли во двор.

Заливаясь звонким лаем, навстречу выбежал Пират. Щенку было всего лишь пара месяцев, но он уже выполнял некоторые команды.

– Ты успел хозяйством обзавестись? – Рык присел на корточки и протянул к щенку руку.

Тот радостно вильнул хвостом и потянулся носом, однако тут же схлопотал затрепину и, взвизгнув, отскочил.

– Фу, чужой! – подыграл Матвей Рыку.

Правильно сделал. Попутно проучил собаку. В следующий раз не станет ластиться, а уже отнесется как к постороннему.

Матвей не преследовал цели вырастить из него монстра. Но злость воспитать рассчитывал. Мало ли?

– Я бы так не смог жить, – признался Рык, плюхнувшись на диван в гостиной.

– Знаю, – помрачнел Матвей. – Я тоже такой.

– Немного не так выразился, – спохватился Рык. – От безделья сдох бы.

– Но мне скучать не приходится, – возразил ему Матвей. – Неделию назад из Папуа – Новой Гвинеи прикатил.

– Отдыхал?

– Ага, – Матвей уселся напротив. – Попутно закреплял ранее полученные навыки выживания в сложных условиях субтропиков, вождении вертолета...

– Да ты что? – оживился Рык. – Это что же, снова мир спасал?

– Скорее, престиж российской авиационной промышленности, – уклончиво ответил Матвей. Ему не хотелось вспоминать историю с «Сарсаром». Новейший российский самолет рухнул при проведении демонстрационного полета, а Матвей волею случая оказался в эпицентре интриг, развернувшихся вокруг этого события.

– А мы завтра опять в командировку, – задумчиво проговорил Рык.

– Везет, – с тоской вздохнул Матвей. – Все живы?

Рык шутливо сплюнул через левое плечо и постучал костяшками пальцев по стоящему между ними деревянному столику:

– С лета ни у кого ни одной царапины.

– Выкладывай, зачем приехал? – напрямую спросил Матвей.

– Ты Ткача помнишь? – глядя в глаза, спросил Рык.

Матвея обдало жаром:

– Ты что, хочешь сказать, я друга мог забыть?

– Это я для вступления, – стушевался Рык. – Дело в том, что летом разбилась его жена.

– На машине? – уточнил Матвей.

Рык кивнул.

– Так, – протянул Матвей, силясь вспомнить, как звали светловолосую, с озорным взглядом девушку, которую он видел лишь мельком: – Ольга!

– Да, – облегченно вздохнул Рык.

– И что? – чувствуя, что это лишь прелюдия к разговору, поторопил его Матвей.

– А теперь – самое интересное, – Рык наклонился вперед. – Вчера меня разыскал брат Ткача.

– Так, – протянул Матвей. – Он у него программист?

– Угадал, – кивнул Рык. – Я с ним на похоронах познакомился и телефон оставил. Мало ли. Парень не чета, конечно, Ткачу, – он поморщился. – Не боец. Как говорится, природа на нем отдохнула. Я даже поначалу не поверил, что они родные. Сморчок такой, – он втянул щеки и усмехнулся. – Компьютерный гений. Зовут Лева. Так вот, несколько дней назад они с женой приехали в Кряжки, чтобы узнать, как у Ольги дела.

– Погоди, ты же сказал...

– Да, она летом погибла, – подтвердил он. – Только они не знали, а телефон потеряли, и она не звонила. Подумали, мало ли? Может, считает, что в тягость будет после смерти брата. В общем, поехали в Кряжки, к родителям Ольги, а оказались на пепелище, в прямом смысле. Дом, оказывается, еще в ноябре сгорел, а вместе с ним и хозяева.

– Ну и дела! – расстроился Матвей. – Сначала Ткач, потом Ольга, а следом родители!

– Вот! – Рык поднял вверх указательный палец. – Понял?

– Странно, – Матвей откинулся на спинку дивана. – Хочешь сказать, не случайность?

– А ты как думаешь?

– Но насчет Ткача мы с тобой знаем, – стал перечислять Матвей. – На наших глазах несчастный случай... Или ты тоже считаешь? – он испытующе посмотрел в глаза другу.

– Нет, ты что?! – Рык испуганно выставил перед собой открытые ладони. – Даже и в мыслях не было.

Матвей задумался. В принципе, несчастный случай, в результате которого погиб Ткач, стал причиной того, что Матвей оказался за воротами одной из структур ГРУ. Вины его в гибели друга не было. Но так случилось, что перед злополучными занятиями по тактической подготовке он вдруг почувствовал неладное, да и сказал об этом вслух. Угрозило тогда даже описать, что случится. А оно возьми да так все и выйди. Возвращаясь после занятия по тактической подготовке, они сидели на броне БТР. На повороте под педаль водителя попала кружка. Он не справился с управлением и на полном ходу врезался в стоящие на учебном месте вагоны. Ткача тогда придавило корпусом боевой машины. Рык и Матрос, как Матвея между собой в группе называли друзья, прыгнули. Все бы ничего, но проводивший служебное расследование дознаватель вдруг ляпнул, будто допускает, что Матвей подстроил все, чтобы доказать свои экстрасенсорные способности. Полная чушь, но Матвей тогда просто взял и ударил майора. Этого оказалось достаточно, чтобы поменять судьбу.

– Что? – встрепенулся Матвей, спохватившись, что сидит и смотрит в глаза уже давно замолчавшего Рыка.

– Так ты поможешь?

– Нужно разобраться, случайность это или нет, – задумчиво проговорил Матвей и пожал плечами: – Вполне возможно.

– Почему так думаешь? – напрягся Рык.

– Понимаешь, после смерти человека, как правило, его родственники еще долго, а иногда и до конца жизни, живут в состоянии стресса, – сопоставляя все факты, стал рассуждать Матвей. – А если речь идет о детях, то это просто вечная боль...

– Хочешь сказать, они сами, – Рык не договорил.

– Нет, ты что? – Матвей замотал головой. – Таким способом уходить из жизни – безумие. Да и вообще, – Матвей пожал плечами, – им было ради кого жить. Сам говоришь, внук остался. Просто мысли с утра до вечера заняты одним и тем же. Человек становится рассеянным, забывчивым. Вот что-то и оставили включенным...

– Ты сможешь это проверить? – Рык испытующе уставился ему в глаза.

– А куда же я денусь? – развел руками Матвей. – Только хотелось бы с братом Ткача самому пообщаться.

– Я передам, – Рык встал. – Они сейчас в области. Решают вопрос усыновления.

– В смысле? – не сразу понял, о чем речь, Матвей.

– Племянника, – уточнил Рык. – Сына Ткача хотят забрать.

– Но так это дело не одного дня, – удивился Матвей.

– Они пока собираются найти, где он. Ведь никто ничего не знает...

* * *

За полчаса езды по запруженным машинами улицам Колган изрядно понервничал. Он не любил быть в качестве пассажира. А если за рулем была женщина, это тяготило его вдвойне. Нет, Васильева водила машину неплохо, однако Колган не любил от кого-то зависеть. Ему как никому известно, как хрупка человеческая жизнь и как тонка грань между ней и смертью.

Колгана охватывало беспокойство, когда она перестраивалась из ряда в ряд, обгоняла попутные машины, выезжала на полосу, рядом с которой была полоса встречного движения. Он напрягал ноги, когда Васильева на мгновение позже, чем ему казалось, начинала тормозить перед препятствием. Колган стал ловить себя на мысли, что с каждым разом эти чувства острее. Он не мог понять, что это: признак трусости или развившаяся осторожность?

Наконец Ирина Станиславовна свернула на стоянку и медленно покатила между рядами машин, ища свободное место.

– Вот «бэха» выезжает! – воскликнул Колган, подавшись в направлении выезжавшего «БМВ».

Копившийся дорбгой страх вдруг вырвался наружу странным облегчением.

– Господи! – вздрогнула Васильева. – Ты зачем пугаешь?

– Это у тебя нервы, – констатировал он и откинулся на спинку кожаного сиденья.

Ирина Станиславовна въехала на освободившееся место, заглушила двигатель и посмотрела на Колгана:

– Когда пойдешь?

– А она точно уже здесь? – он наклонился и посмотрел на переливающуюся зелеными огнями вывеску.

– Точнее некуда. – Васильева отстегнула ремень и показала назад: – Видишь, красного цвета «Мазда»?

– Это ее? – Колган развернулся на сиденье. – Неплохо живет главный специалист-эксперт Департамента защиты прав детей!

– Кто на что учился, – Васильева толкнула дверцу.

– Сдается мне, что мой вклад в ее благополучие самый большой, – проговорил Колган, задумчиво глядя перед собой.

– Ты так и не ответил на мой вопрос, – напомнила она. – Через какое время тебя ждать?

– Звякни мне на трубу, – попросил Колган. – Я и выйду.

– Что сказать? – продолжала она забрасывать его глупыми вопросами.

«Неужели нельзя самой придумать? – разозлился он, глядя перед собой. – И почему, оказавшись рядом со мной, она перестает думать сама? Хочет показать, будто мое мнение для нее важно? Как бы не так!»

– Что угодно, я пойму, – подавив в себе желание съязвить, отмахнулся Колган. – Кстати, надо было мне заранее выйти.

– Окна выходят на другую сторону, – успокоила она его и вышла.

Васильева шагнула через порог зала и встала. В образе brutального мужчины рядом тут же возник метрдотель.

– Добрый вечер!

– Здравствуйте, – глядя ему в глаза, кивнула она. – Меня здесь должны ждать...

Трухаева Лариса Георгиевна сидела за столиком у стены. Статная дама с цепким нервным взглядом и нездоровым румянцем на щеках тоже увидела Ирину Станиславовну и улыбнулась.

– Давно ждете? – опускаясь на услужливо выдвинутый официантом стул, спросила Васильева.

– Сама только подъехала, – грудным голосом ответила Труха. – Эти пробки – что-то невообразимое. Я на работу приезжаю такая уставшая, словно ночь у станка отстояла.

«Как будто ты знаешь, что такое станок, – разглядывая появившееся на пальчике Трухи новое колечко, думала Васильева. – В школе ни дня не проработала! Да что там в школе? Весь твой опыт работы с детьми-то – один сезон в должности пионервожатой».

Труха не скрывала, что не питает к детям симпатии и никогда не хотела их иметь. Поэтому был парадоксальным тот факт, что у нее имелась дочь. Оксану Васильева знала. Она была полной противоположностью волевой и решительной мамаше, которая для достижения своей цели была готова идти по головам. Правда, до определенного времени. На фоне набравшей обороты борьбы с коррупцией и участвовавших «посадок» разного рода чиновников ее пыл неожиданно стал спадать. Впрочем, это стало заметно во всех сферах. Вся страна, население которой поголовно привыкло воровать, вдруг стала медленно впадать в странную апатию.

Васильева познакомилась с Трухой в конце девяностых. Тогда еще инспектор областного отдела образования, она приехала к ней в детский дом с проверкой. Причем визит высокой гостии был связан с чрезвычайным происшествием – был вскрыт факт серьезного преступления. Это с точки зрения закона. А с точки зрения директора Васильевой, ничего особенного. Разве принуждала она девочек оказывать секс-услуги нуворишам? Ни в коем разе. А вот то, что часть денег они по праву передавали ей, так как иначе? Она ведь не на себя их тратила, а на этих же девочек. Ну конечно, не все, но ведь и зарплаты-то ведь какие были. Разве проживешь? Вот и приходилось крутиться. Где на подрядчиках сэкономишь, где на продуктах... А по-другому разве стала бы она там работать? Вон, Галка, подруга институтская. Как Советский Союз по швам начал расползаться, она из воспитателей ушла в бизнес. Сначала с сумками моталась по заграницам, потом небольшой лоток открыла. А теперь? Пять бутиков и свое ателье. Вон она как жизнь обернулась. А вот Ирина Станиславовна работу не бросила. Из кожи лезла, чтобы у детей как дома все было. За это и поплатилась. Правда, Труха ее тогда от тюрьмы отмазала. Но во сколько это обошлось?!

– Что? – встрепелась Васильева, ощутив прикосновение к обратной стороне ладони холодных кончиков пальцев Трухи и поймав себя на мысли, что держит перед собой меню. – Ах да!

Труха удивленно улыбнулась:

– Ты меня настораживаешь.

– Минуту! – спохватилась Васильева, размышляя, как выйти из создавшегося положения, и лихорадочно ища в перечне блюд подсказку. – Вот! Сиж и думаю, телятина по-грузински, это как?

– Это по-грузински, – пошутила Труха.

– Я к тому, что у меня в последнее время гастрит обострился, – соврала Васильева. – Боюсь снова в больнице оказаться.

– Это все нервы, – со знанием дела сказала Труха и наколола вилкой оливку.

Васильева закрыла меню и подняла на официанта взгляд:

– Мне салат «Диетический»...

– Что-то ты, подруга, меня пугаешь, – призналась Труха и отправила в рот кусочек мяса.

– Я сюда вообще-то не есть пришла, – тихо призналась Васильева.

– Да я уже поняла, – взгляд Трухи потемнел и забегал. Он всегда становился таким, когда они касались неприятных тем.

– Ничего ты не поняла, – Васильева слегка наклонилась. – Я вот так вот соскочить не могу.

– Когда успела нахвататься таких словечек? – улыбнулась одними губами Труха. – Как ээчка.

– Приходится учить, – пошутила она. – Ведь с моей работой недолго и загреметь...

Подошел официант. Васильева отстранилась от стола. Дождавшись, когда он выставит тарелку и отойдет, взяла вилку и тихо продолжила:

– Ко всему надо быть готовой. А вот тебе там ой как тяжело придется!

– Послушай, подруга, – беря хлеб, прищурилась Труха, – ты бы язычок попридержала.

– А то что? – вскинула бровки Васильева. – По попке надаешь?

– Ты зачем меня звала?

– А разве не поняла? – хмыкнула Васильева. – У меня четыре пары...

– Ты что, на Луне живешь? – побагровела Труха. – Не видишь, что творится? Все, лавочка закрыта!

– Ну, допустим, не совсем, – спокойно ответила Васильева. – Любой суд обяжет государство выполнить гарантии...

– Я соглашусь с тобой только в той части этого вопроса, который касается детей, находящихся в процессе оформления документов, – слегка подавшись вперед, заговорила Труха. – Новых клиентов искать не надо.

– Я их не ищу, они меня находят, – поправила ее Васильева. – Еще хочется тебе напомнить, что за тех, о ком идет речь, я тебе деньги отдала. Так что не надо пытаться щекотать мне нервы.

– Как бы то ни было, но твоему бизнесу пришел конец! – с затаенной радостью выпалила Труха.

– Он такой же мой, как и твой, – едва сдерживая себя, чтобы не ткнуть через стол вилкой в ставшее ненавистным лицо Трухи, прошипела Васильева.

– У меня хоть работа есть, – неожиданно заявила Трухаева. – Стабильный заработок чиновника департамента.

– Послушай, – разозлилась Васильева, – а на какие такие деньги ты в прошлом месяце дочери квартиру купила?

– Ты что, глухая? – нахмурила брови Труха. – У меня хорошая зарплата.

– А машина, которая стоит под окнами этого заведения, – подарок богатого жениха, – вновь наступила на большую мозоль Васильева. – Ты это следователям прокуратуры расскажешь.

Она была хорошим психологом. Немудрено. Занимаясь таким видом бизнеса, приходилось иметь дело с самыми разными людьми. Васильева общалась с огромным числом чиновников, сотрудников прокуратуры, полицейскими и просто с бандитами. Особого мастерства требовала обработка потенциальных покупателей. Несмотря на то, что для работы с родственниками детей, которых она именovala про себя товаром, у нее были под рукой Лапша и Колган, в периоды авралов приходилось брать на себя самую разную работу. Рабочими инструментами были не только интеллект, внешнее обаяние, знание психологии и умение говорить. Нередко приходилось задействовать и другие части тела. Ведь среди тех, от кого зависело решение вопросов, было много мужчин. Но это того стоило. Товар долго шел на ура, если не считать мелких встрясок, особых препятствий на пути к ее благополучию не было. И все-таки Васильева чувствовала, что так не может быть всегда. Ощущение надвигающегося конца не покидало ее последние несколько лет. Она и сама понимала, что вершит страшный грех. И дело ведь не только в том, что на пути к своей цели им приходится нарушать законы, обманывать и

убивать. Сама торговля детьми ей претила. И чем старше она становилась, тем сильнее разъедало ее изнутри ощущение страха.

– Не надо попрекать меня тем, как я живу, – между тем холодно сказала Труха. – Ты тоже не бедствуешь.

– Но если сравнить, как я рискую, то вполне обоснованно забираю себе половину, – Васильева взяла бокал с вином.

– Ты думаешь, из тех денег, которые ты мне отдаешь, я все кладу себе в карман? – грустно улыбнулась Труха.

– Так и у меня команда! – вскинула брови Васильева. – А кроме этого я должна «отстегивать» по мелочи...

– Не могу понять, к чему ты клонишь? – не выдержала Труха.

– Чего тут непонятного? – Васильева сделала глоток вина, поставила бокал на стол. – Предлагаю работать в том же режиме, что и раньше.

– Ты в своем уме? – вскинулась Труха. – Телевизор не смотришь? Закон собираются принять!

– Знаю! – Васильева взяла салфетку, приложила ее к губам, бросила на тарелку. – Есть огромное количество способов вывезти ребенка за границу. К тому же у нас и в России неплохо идут дела!

– Я в такие игры не играю, – забыв, где находится, Труха залпом осушила бокал, прижала на мгновение к губам запястье.

– Уверена? – разочарованно спросила Васильева.

– Считаю, это мой окончательный ответ, – подтвердила Труха, ставя пустой бокал на стол.

– Послушай, мне необходимо лишь твое прикрытие...

– Давай сменим тему?

– Хорошо, – нехотя согласилась Васильева и взяла сумочку. – Только мне надо позвонить...

* * *

Матвей отпустил сцепление. Машина медленно покатила за «Фордом», который в очередной раз испуганно мигнул красными фонарями и снова встал. Матвей надавил на педаль тормоза и про себя выругался.

– Я бы уже пешком давно добежала! – злилась Марта. – Зачем тебе понадобилось назначать им встречу у меня дома?

Матвей отвернулся в окно и улыбнулся, чтобы она не видела. Марта нравилась ему такой. С темнеющим взглядом голубых глаз, рассыпающих по салону искры негодования, с разлетающимися веером черными волосами, когда она резко поворачивала голову...

– Ты сама вчера стонала, что надо посмотреть, как там дела, – напомнил Матвей. – Говорила, что цветы засохнут. Вот я и решил совместить приятное с полезным. Зачем зря бензин жечь?

– Но ведь Лева сразу тебе сказал, что он водитель никудышный и Москву с ее пробками боится как черт ладана! – продолжала отчитывать его Марта. – Не знала, что ты такой мелочный. Даже в таком деле выгоду ищешь!

– Я рациональный, – Матвей устало вздохнул. – А твой Лева пусть привыкает и становится Львом.

Матвей и сам понял, что совершил глупость. Позвонив накануне Ткачу, он предложил встретиться. Тот сказал, что они с женой в Рязани и завтра собираются приехать на электричке. Матвей убедил его, что на машине будет мобильней.

– Я не знала, что ты такой расчетливый, – продолжала сыпать упреками Марта.

Матвей снова тронул машину с места:

– Практичный.

– Как я устала от этих пробок! – вздохнула Марта. – Мы ведь почти четверть жизни в них проводим! Я сейчас на дорогу до работы почти четыре часа трачу!

– Тебя никто не заставляет каждый день мотаться за город, – усмехнулся Матвей.

– Ты меня прогоняешь? – она испытующе посмотрела на него.

– Почему? – Матвей надавил на сигнал, охлаждая пыл какого-то очкарика втиснуть свой джип между ними и «Фордом». – Вместе в город вернемся.

– А Пират?

– С собой заберем.

– Его каждое утро выводить на прогулку надо, – захныкала она. – А я поспать люблю.

– Кто мешает высыпаться? – удивился Матвей. – Ты ведь за компьютером до утра сидишь!

– Надо добить программу.

– Далась она тебе! – вспыхнул Матвей, поменявшись с ней ролями. – Ты уж определись, кто ты, компьютерщик или врач!

– Все гены, – отшутилась Марта. – Папа был суперхакером.

– Мне иногда кажется, что для тебя ноутбук важнее секса, – буркнул он.

– Смотря с кем, – отшутилась она.

– А что, уже сравнила?! – огрызнулся Матвей.

Поняв, что сморозила глупость, Марта положила ему на плечо руку:

– Прекрати шуметь!

– Что-то я действительно маху дал, – признался Матвей. – В час пик предложил встретиться.

Марта посмотрела на встроенные в панель часы:

– А Ткач нас уже ждет.

– Если доехал, – улыбнулся Матвей.

– Куда он денется? – Марта стала разглядывать сидевшего за рулем справа мужчину.

– Шею свернешь! – предостерег Матвей.

Зазвонил сотовый.

Матвей включил блю туз:

– Слушаю.

– Это Лев, – выдохнул брат Ткача. – У нас беда! Я вр...

– Ты кому звонишь, ботаник! – донесся чей-то голос на фоне звука проехавшей мимо машины.

– Вы же сами сказали, звони в случае чего, – захныкал Лева.

Матвей сморщился. Он понял, что Лева попал в какую-то переделку. Судя по обрывкам фраз, с ним беседовали на повышенных тонах сразу несколько человек.

– Говори, где ты! – не выдержал Матвей. – Я уже близко.

– Почти на месте, – промямлил Лева. – Нахимовский проспект... Где мы? – спросил он неизвестного собеседника.

– Между Власова и Профсоюзной, – подсказали ему.

– Я слышу, – Матвей отключился и посмотрел на Марту:

– Не удивлюсь, если этого ботаника автоподставщики вычислили.

– А чего тут удивляться? – вскинула брови Марта. – Ты тоже на них нарывался.

– Во-первых, в том случае это они на меня нарывались, – он выдержал паузу, давая ей возможность осознать неправильно выбранную формулировку. – Ручаюсь, что эти парни до сих пор с содроганием вспоминают тот день.

– Хвастунишка, – улыбнулась она и напонила: – Ты сказал, во-первых. Что во-вторых?

– То, что сейчас на улицах Москвы миллион автомобилистов, и шанс найти полного профана, соответственно, тоже один к миллиону...

– Как человек, который просто влюблен в точные науки, могу сказать, что ты слабо знаешь теорию вероятностей.

– Отчего же?

– С учетом того, что таких банд в Москве орудует с десятков, соотношение так же уменьшается в пользу Левы.

– Не удивлюсь, если все эти банды сейчас вокруг него собрались, – пошутил Матвей.

– Чему ты радуешься? – расстроено спросила Марта. – Человек в аварию попал.

– Я радуюсь тому, что он живой, – пояснил он. – Хотя бы пока.

Телефон снова зазвонил. Матвей сморщился, тронул кнопку включения гарнитуры.

Однако на том конце раздался вскрик и пошли гудки.

– Теперь дела действительно плохи! – Матвей зло выругался. – Кажется, этого Леву в асфальт закатывают.

– Кто?

– Откуда я знаю?! – Матвей ударил ребром ладони по рулевому колесу.

– Может, я выйду? – Марта посмотрела в сторону тротуара. – Здесь два квартала по прямой.

– Сиди! – принял решение Матвей, увидев, как правый ряд тронулся.

Он включил правый поворот и начал вклиниваться между машинами. Ему стали яростно сигналить. Не обращая внимания, Матвей занял место у полосы для движения общественного транспорта. Нужно было как-то пробиваться к Леве. Но как? Матвей шарил взглядом по выездам из дворов, восстанавливая в голове план района. Но здесь нигде не было сквозных дворов. Объехать по тротуару?

Он посмотрел в зеркало заднего вида. Полицейских машин поблизости не было. Матвей стал искать просвет между деревьями и поехал медленнее. Ехавший сзади бритоголовый бугай на «Рено» снова стал неистово сигналить. Ему явно не нравился черный джип, нагло подвинувший его.

– Чего он хочет? – оглянувшись, спросила Марта.

Матвею уже изрядно надоел неврастеник, и он надавил на тормоз. Первое желание было выйти и настучать ему по голове. Однако в следующий момент он разглядел, что бугай в салоне один, а в машине нет видеорегистратора. Матвей посмотрел на Марту:

– Выпрямись, а затылок упри в подголовник.

– Зачем?

– Живее!

Марта подчинилась.

«Рено» снова протяжно просигналил и мигнул фарами.

Матвей включил заднюю передачу и резко бросил сцепление. Машина прыгнула назад. Раздался страшный грохот и звон битого стекла. Матвей снова посмотрел в зеркало заднего вида:

– Получил?

Парень тупо таранился перед собой.

Матвей включил аварийную сигнализацию и неторопливо вышел из машины.

Парень внимательно следил за его действиями. Матвей с невозмутимым видом осмотрел повреждения. Его бампер лишь слегка деформировался. У «Рено» превратился в грудку пластмассовой крошки.

Матвей подошел к окну:

– У тебя что, глаз нету?

– Ты... Ты...

– Знаю, что я, – Матвей потянул на себя дверцу.

Бугай заблокировал дверь и слегка приспустил стекло:

– Ты за это ответишь!

– Что-то я не понял, а разве не ты мне в зад въехал?

– Сука! – бугай стал лихорадочно шарить взглядом по сторонам, словно надеясь увидеть человека, готового подтвердить, что было все в точности до наоборот.

– Не старайся. – Матвей постучал ладонью по дверце. – Я сейчас поеду дальше. А вечером позвоню и скажу, сколько ты мне должен...

От этих слов бугай окончательно сник.

Матвей вернулся в машину.

– Зачем ты так? – Марта окатила его осуждающим взглядом.

– Нечего наглеть, – Матвей тронул машину с места.

– Но ведь столько людей видели, как ты назад поехал! – возмущалась Марта.

– Думаешь, кто-то бросится в свидетели? – Матвей насмешливо посмотрел на нее. – Бог с тобой! Я вел себя нагло, а наглых уважают. Вот если бы старик на «Жигулях» так поступил, так его бы тут уже растерзали.

– Все равно не понимаю, – она пожала плечами и уставилась на дорогу.

– Согласен, ребячество, – признался Матвей. – Но таких учить надо. Я ведь его ударил не за то, что он сигналил.

– А за что?

– Смотри глубже, – продолжая следить за дорогой, Матвей слегка наклонился к Марте. – Это психология шакала. Он здесь таким образом самоутверждается. В Японии есть методика расслабления. У них во многих фирмах в специальных комнатах установлены манекены начальников. Так вот, когда работнику совсем невмоготу, он идет в такую комнату и дубасит манекен.

– Это не этично, – поморщилась Марта. – Хотя я тоже об этом слышала.

– А у нас народ так устроен, что вымещает зло на слабых.

– Но ты ведь не слабый.

– Он не знал, – на полном серьезе сказал Матвей. – Да и в машине себя чувствовал защищенным.

– А если он вызовет полицию? – не унималась она.

– У меня повреждения сзади, у него спереди, кто поверит? – привел он свой аргумент.

– Послушай, – заволновалась Марта, – Ткач в беду попал, а мы с тобой тут о чепухе болтаем!

Справа Матвей увидел просвет между деревьями и резко вывернул руль. Машина подпрыгнула на бордюре и выкатилась на тротуар.

С шоссе снова раздались недовольные гудки. Не обращая на них внимания, он покатил к перекрестку.

Матвей давно так не нарушал правил. Тротуар был забит людьми. Они сворачивали на газон, провожали его полными ненависти взглядами, что-то кричали. Кто-то даже ударил по дверце. Матвей шутливо втянул голову в плечи:

– Ух!

Проехав до проезда между домами, свернул во двор. Он помнил, здесь есть выезд на соседнюю улицу. Через минуту снова выкатились на дорогу.

– Вон они стоят! – воскликнула Марта.

Матвей и сам увидел представительского класса «Мерседес» и стоящий чуть дальше «Опель» Ткача. Рядом топтались трое мужчин. Матвей с ходу узнал брата погибшего друга. Он не отличался выдающимися физическими данными и даже не был похож внешне. Просто этот хлипкий мужчина выглядел как виновник произошедшего здесь инцидента.

Матвей остановил машину:

– Сиди здесь.

– Только никого не бей! – умоляюще пропищала Марта.

– Так, что случилось? – подходя ближе, спросил Матвей голосом уверенного в себе человека.

– Ничего, – шагнул навстречу плотный мужчина в кепке.

– Вот, перестраивался, зацепил...

– И выбрал машину советника президента, – хмыкнул верзила в дорогом пальто.

– Это ты советник? – скользнув взглядом по номеру, насмешливо спросил Матвей.

– А почему вы разговариваете со мной таким тоном? – сделал строгое лицо мужчина.

Пропустив вопрос мимо ушей, Матвей посмотрел на Ткача:

– У тебя к ним претензии есть?

– Чего? – округлил глаза коротышка в меховой шапке.

– Как? Это он? – захлебнулся от негодования верзила.

– У меня слегка, – проблеял Ткач и, не оборачиваясь, показал на свою машину. – Над задней аркой с правой стороны.

– Садись и езжай.

– Ты кто такой?! – коротышка схватил Матвея за отворот куртки, пытаясь развернуть к себе лицом.

Матвей поймал его правой рукой за запястье и слегка дернул на себя. В следующий момент коротышка опрокинулся на спину от удара открытой ладонью в лоб. Продолжая держать его руку, Матвей посмотрел на долговязого:

– Вот что, советник президента, даю минуту, чтобы вы отсюда убрались. Или будете давать советы, как ваш друг, соседям по больничным койкам.

С этими словами он с силой повернул руку сидящего на асфальте коротышки против часовой стрелки. Раздался хруст рвущихся связок. Вырвавшийся из глотки бандита крик, казалось, порвал барабанные перепонки.

* * *

Листая меню, Колган наблюдал за сидевшей через стол Трухой. За все время их совместной работы это первая такая встреча. Для него было важным увидеть эту даму. По тому, как она одевается, ведет себя за столом, говорит, он пытался понять, что она из себя представляет, и строил примерный план своего поведения. Женщины общались эмоционально. Васильеву было не узнать. Она то вдруг наклонялась вперед и что-то быстро шептала, то, наоборот, отстранялась от стола и начинала говорить, жестикулируя руками, словно забыв, где находится. Труха морщилась и качала головой, словно возражала. Так или иначе, но напрашивался единственный вывод: Васильева о чем-то спрашивает Труху, но та отказывается. Колган знал, камнем преткновения сейчас является вопрос выхода Трухи из бизнеса. Если это случится, они останутся без крыши и поддержки. Пока Васильева старалась решить это дипломатическим путем.

«Интересно, а как Труха меня представляет?» – неожиданно подумал Колган.

Несмотря на то, что Васильева клялась, будто Труха даже не подозревает об их существовании, Колган ей не верил. Зная, как женщины любопытны и болтливы одновременно, он был уверен, Труха в курсе, что на Васильеву трудятся бывший мент и отмазанная им в свое время от тюрьмы проститутка. Но могла ли у нее возникнуть в голове мысль, что когда-то она сама станет объектом их работы?

На примере сегодняшней ситуации Колган в очередной раз убедился в мудрости русского народа, одна из пословиц которого гласит: «Не рой другому яму, сам в нее попадешь!»

Как бы то ни было, но от Трухи зависело многое. От нее шла информация о детях и их родителях, она лоббировала интересы Васильевой и прикрывала директоров детских домов и приютов во время проверок. Все знали о нарушениях в сфере усыновления, но закрывали глаза, поскольку первым делом их заботило собственное благополучие, а не жизнь сирот. В большинстве своем материал, с которым они работали, был результатом размножения самых низших слоев общества. Кто отказывался от детей? Прежде всего, наркоманы и алкоголики... В общем, отбросы общества, которые рано или поздно все равно загнутся. Колган был уверен, это природа проводит селекцию, убирая ненужных, и относился к своей работе философски: чем больше отправят они из страны этих отбросов, тем лучше. Сколько раз, еще в свою меншовскую бытность, он сталкивался с выпускниками детских домов и интернатов? Через одного дебил или олигофрен, бандит или проститутка, и все с вредными привычками...

Сегодня Колгану предстояло познакомиться с Трухой и навязать дружбу. Васильева была уверена, что эта дамочка с ходу на него повесится. С ее слов, инспектор департамента имела все, кроме мужской ласки, и болезненно относилась к этому. А время неумолимо, и любой женщине хочется заскочить в последний вагон.

Колган оглянулся по сторонам. В какой-то момент ему вдруг показалось, что на него украдкой и брезгливо поглядывают сидящие по соседству люди. Но все были заняты тем, ради чего сюда и приходят, – ужином и беседой. Колган отчетливо ощутил, что его сегодняшнее положение схоже с положением женщины легкого поведения. Он попытался представить Труху лежащей рядом голой. Вот он провел по вялой груди рукой, приблизил к уху губы и стал нашептывать ей, будто она женщина его мечты. Странно, но не было противно. Но наверняка он испытает отвращение после того, как у них случится первый секс. Это состояние ему было знакомо. Свалившись с женщины, он будет делать вид, будто смертельно устал... Но это все равно лучше, чем убивать.

С одной стороны, суммы, из-за которых приходилось отправлять на тот свет людей, были смешными. Ни один уважающий себя киллер не стал бы браться за работу с такой оплатой. Как ни странно, в большей степени Колган убивал для того, чтобы поддерживать на уровне рейтинг их с Васильевой «фирмы». Стоит только не выполнить заказ, задержать сроки или изменить стоимость своих услуг, и клиенты «перетекут» к конкурентам. В России торговля детьми поставлена на широкую ногу. В этом бизнесе крутятся миллиарды. Те, кто входит в него с головой, отрезают все пути к отступлению. Колган старался не вникать в дела Васильевой, но, по его наблюдениям, часть детей идет и вовсе на запчасти... Вернее, он сам, еще в девяностых, несколько раз выполнял на пару с ней подозрительные заказы. Клиента не интересовал, как это бывает, цвет кожи, глаз или волос. Он преследовал цель найти ребенка определенного возраста с определенными физиологическими данными. Особо пришлось попотеть, когда они искали по всей России мальчика от шести до восьми лет с четвертой группой крови. Нашли в Иркутске. Транспортные расходы с лихвой оправдались тамошними расценками. Почувствовав коммерческую выгоду, Васильева все чаще командировала его за Урал или вообще на Дальний Восток.

Колган положил меню на край стола.

– Что желаете? – раздался над головой тихий голос официанта.

– Кроме кофе, ничего, – расстроил его Колган.

Неожиданно он поймал на себе изучающий взгляд сидевшей за соседним столиком женщины. Официант принес кофе. Колган взял чашку. Женщина снова посмотрела на него. В груди шевельнулся неприятный холодок тревоги. Что это? При его работе он внимательно контролировал обстановку вокруг себя. Не понаслышке зная, что не бывает идеальных убийств, где-то на подсознательном уровне Колган был уверен, когда-то жизнь на свободе окончится.

«Неужели следят?» – засвербело в голове.

Он стал незаметно изучать женщину и ее спутника. Мужчина расположился к нему спиной. Короткая стрижка русых волос, слегка оттопыренные уши, шея... Материал черного костюма облегал мощную спину и не выдавал ремней кобуры. Хотя мало ли?

Женщина снова посмотрела на Колгана. Потом еще. Нет, так явно не глазают. Зачем? У него отлегло от сердца.

В это время Васильева и Труха стали собираться. Труха заглянула в сумочку, словно проверяя, все ли у нее на месте.

Васильева, наконец, посмотрела в его сторону. Во взгляде недоумение. Он обещал найти способ подсесть к ним прямо в ресторане. Однако передумал. Когда Васильева вошла в ресторан, Колган выбрался из машины, убедился, что на парковке нет ни одной камеры наблюдения, подошел к лимузину Трухи и проткнул переднее правое колесо.

Проходя мимо его столика, Васильева бросила на него недоуменный взгляд. В ответ Колган едва заметно кивнул. Уверенный, что женщины еще будут говорить на стоянке, он не торопился.

Когда Колган вышел из ресторана, машины Трухи уже не было. На ее место заезжал черный «Хендай». Поправив повязанный вокруг шеи шарф, он не спеша направился к выезду на шоссе. Колган был уверен, Труха далеко не могла уехать.

«Тойота» алела у перекрестка. Рядом маячила Труха. Она напоминала курицу-несушку, хлопающую по бокам, словно крыльями, руками и мечущуюся из стороны в сторону.

Колган огляделся по сторонам и направился по тротуару в ее сторону. Заметив, что Труха пытается остановить проезжающие мимо машины, ускорил шаг. Еще не хватало, чтобы она нашла другого помощника.

– Что случилось? – громко спросил он.

– Колесо, – продолжая яростно махать вытянутой рукой, крикнула она. – Будь оно неладно.

Колган подошел к машине:

– Запасное есть?

– Не знаю, – Труха опустила руку и подошла к багажнику. – Вернее, есть, но оно тонкое... Это...

– Я понял, – догадался он, что в машине доездок. – Надо его установить вместо этого и доехать до ближайшего автосервиса. Домкрат есть?

– Что, простите? – переспросила она и тут же спохватилась: – Конечно, есть. Ой, сейчас...

Колган размотал шарф, снял пальто и огляделся по сторонам, словно ища, куда положить одежду.

– Давайте сюда! – Труха протянула руки.

Колган установил домкрат, ослабил шпильки, поднял машину, ловко поменял колесо. Однако в последний момент, снимая его с барабана, как бы случайно прижал к себе.

– Ой! – испугалась Труха. – Вы костюм испачкали.

– Мелочи, – отмахнулся он.

Сделав женщину виноватой, Колган уже был уверен в успехе своей затеи.

Затянув шпильки, он опустил домкрат и посмотрел на Труху:

– Принимайте работу!

– Сколько я вам должна? – она замерла в ожидании ответа. Казалось, назови он сейчас любую сумму, и она согласится.

– Обижаете, – Колган шутливо нахмурил брови. – Разве что телефон.

– А костюм! – неожиданно Труха перевела взгляд на его грудь. – Он, наверное, дорогой.

– Не дороже денег, – отшутился Колган, беря из ее рук пальто.

– Вот вам сейчас от жены, наверное, достанется, – она прижала ладони к щекам.

Колган уловил в голосе напряженные нотки. Труха не сочувствовала. Вопрос был задан специально. Хищница уже прошупывала жертву.

– Я не женат, – продолжал он заманивать ее в свои сети.

– Правда? – недоверчиво переспросила она.

– Я похож на лгуна? – Колган сделал шутливо-обиженное лицо.

– Да нет, вы похожи на рыцаря, – Труха мечтательно вздохнула.

– Кстати, чуть не забыл предупредить, – Колган ткнул носком ботинка в поставленное колесо. – С ним машина ведет себя немного иначе. Будьте осторожны. Тем более сейчас скользко.

– Правда? – она испуганно округлила глазки.

– Правда.

– Что же делать?

– Я взял с собой права, – Колган открыл дверцу со стороны пассажира и показал ей на сиденье: – Прошу, если вы не против.

* * *

Матвей вытащил ключи из замка зажигания и оглядел двор. Родственник Ткача втиснул свою машину в дальнем углу, практически въехав на площадку для мусорных контейнеров.

– Там тебе и место, – беззлобно пошутил Матвей.

– Зачем ты так? – проследив за его взглядом и догадавшись, что он имеет в виду, спросила Марта.

– Ты видела, как он сопли распустил? – брезгливо спросил Матвей.

– Что ты такое говоришь? – возмутилась Марта. – Любой на его месте повел бы себя точно так же. Ведь эти бандиты отличные психологи, а ситуация, которую они ему создали, отработана и отрепетирована до самых мелочей. В конце концов, это их работа.

– А вот на меня их психология что-то не действует, – признался он и открыл дверцу. – Еще мне не очень приятно, что сын моего боевого товарища будет воспитываться этим слизняком.

– Ты сказал, твоего боевого товарища, – повторила она, разворачиваясь на сиденье, чтобы выйти из машины.

– Просто так сказал, – уклончиво ответил Матвей. – Служил я с его братом.

– Можешь дальше не врать, я давно поняла, кем ты был раньше, – с этими словами она вышла из машины.

Матвей последовал ее примеру.

Увидев их, из машины выбрались и Ткачевы.

– Спасибо вам большое, – залепетал Лева, бросая затравленный взгляд то на Марту, то на Матвея, то упирая его себе под ноги. – Я же говорил, ездки из меня никудышные...

– Брось, – Матвей посмотрел на стоявшую рядом невысокую женщину в пуховике и вязаной шапочке:

– Меня Матвеем зовут.

– Татьяна, – застенчиво улыбнулась она.

– Давайте домой поднимемся! – Марта решительно направилась к подъезду.

– Вы как думаете, – Лева с опаской покосился на Марту и вновь посмотрел на Матвея, – эти люди... Ну, те, что на дороге... Они ведь номер моей машины запомнили.

– Выбрось из головы, – увлекая его к подъезду, стал успокаивать Матвей. – Это бандиты. Поняли, что ошиблись, будут искать другую жертву.

– Для этого одному из них руку надо вылечить, – заметила Татьяна.

Они поднялись в квартиру. Марта отправилась заваривать кофе. Ткачевы и Матвей устроились в зале.

– Рассказывай, что тебя насторожило? – с ходу перешел к делу Матвей.

– Что рассказывать? – словно ища подсказку, Лева посмотрел на жену, потом поправил пальцем очки: – Как брат погиб, мы с его женой, вернее, вдовой...

Он снова поперхнулся и затравленно посмотрел на супругу.

– Ему легче на клавиатуре текст набрать, чем говорить, – с тоской сказала Татьяна.

– С Ольгой перезванивались, – вышел из положения Лева. – Она в Костроме работала, мы в Рязани...

– Знаю, у вас же там родители, – ускорил события Матвей. – Дальше.

– Часто звонили, – тоном, словно оправдывался, уточнил он. – Летом Ольга сказала, что отправила сына в деревню к своим родителям.

– Это в Кряжки, – восстановив в памяти разговор с Рыком, кивнул Матвей.

– Да, в Кряжки, – повторил Лева. – Еще сказала, что каждые выходные туда теперь ездит... Собиралась перебираться в Ярославль. Говорила, там работу предложили по специальности. Потом как отрезало. Месяц, второй ни слуху ни духу. Абонент недоступен. Татьяна, – он кивком головы показал на сидевшую рядом супругу, – даже письмо отправила.

– На электронную почту? – просто так, чтобы не дать гостям заподозрить, будто ему неинтересно слушать оправдания о том, почему они лишь полгода спустя узнали о трагедии, спросил Матвей.

– И туда я писал, – оживился Лева. – Только она на свою страницу в социальных сетях совсем после смерти брата не заходила.

– В общем, она не отвечала, и вы решили поехать к ее родителям, – уже вконец измученный рассказом Левы, договорил за него Матвей.

– Оказалось, зря приехали! – удивил возмущением Лева. – Родители Ольги сгорели вместе с домом.

Закончив говорить, Лева обиженно оттопырил губу, словно несчастные старики сами подпалили дом, в котором находились.

Матвею стало тоскливо. И не только унылый вид этого додика Левы был тому причиной. Ему вдруг стало жаль сына Ткача, который так рано остался без отца и матери. Теперь малышу, скорее всего, суждено оказаться членом семьи этой пары. Чувствовалось, подспудно Лева очень жалеет, что так все произошло, и в душе тихо ненавидит ушедших из жизни стариков. Хотя он допускал, что ошибается.

– Дальше что? – устало спросил Матвей.

– Поговорили с соседями и узнали, что за два месяца до этого Ольга погибла в автомобильной катастрофе, – видимо, почувствовав напряжение, с которым Матвей слушал мужа, приняла эстафету Татьяна. – Она в Кряжки ехала сына проводить.

– Причину аварии знаешь? – Матвей отчего-то захотел продолжить мучить Леву и устался ему в глаза.

– Никто толком ничего не говорит, – Лева пожал плечами. – Не справилась с управлением. Дорога ровная, встречного транспорта мало... В полиции предполагают, что уснула за рулем.

– Много работала? – заранее зная, что так оно и есть, спросил Матвей.

– Прилично, – вновь подтвердила за мужа Татьяна.

– Зачем ты обратился к Рыкову? – напрямую спросил Матвей. – У тебя есть какие-то сомнения по поводу этих смертей?

– Понимаешь, – Лева сцепил пальцы в замок и подался вперед, – брат пару раз говорил, будто ему с мразью приходится работать. Вот я и подумал, а вдруг это месть?

– Я так не думаю, – покачал головой Матвей. – Насколько мне известно, та категория врагов, с которой твоему брату приходилось иметь дело, далеко от этих мест.

– Значит, я зря так подумал? – отчего-то расстроился Лева.

– Почему же? – Матвей пожал плечами. – Все может быть. Что про причину пожара говорят?

– Где? – рассеянно захлопал глазами Лева.

– В деревне, – Матвей сокрушенно вздохнул.

– Будто бы печь топили и плеснули что-то...

– Так ты чего от меня хочешь? – Матвей выжидающе уставился ему в глаза.

– Ничего, – удивился Лева. – Вернее, посоветоваться приехал.

– Давай адрес стариков, – устало махнул рукой Матвей, – я прокачусь туда и все узнаю...

* * *

Ежась от ветра, Плевков пританцовывал у входа в подземный переход. Крючковатый нос и обвислые щеки похожего на скелет наркомана были синими то ли от холода, то ли от истощения. Натянутая на самые глаза спортивная шапочка, поднятый воротник куцей курточки, ветхие джинсы и стоптанные ботинки наверняка привлекали внимание многочисленных полицейских патрулей. В принципе, до первой отсидки Плевков наркотой не баловался. Попался на грабеже. Не хватало на выпивку, снял с женщины сережки. А оказалось, что она живет в том же доме, что и его зазноба. Случайно встретив, узнала, да и позвонила тогда еще в милицию. Ситуация глупее некуда. Даже опера поначалу не верили, ведь грабанул он ее на другом конце Москвы. К тому же, до этого никаких косяков за ним не значилось. Много воды с тех пор утекло. Плевков даже успел пожить в гражданском браке и завести ребенка. Только спутница жизни оказалась наркоманкой. Усилиями тогда еще оперуполномоченного Колганова семья свалилась на самое дно. Вскоре Плевка с женой лишили через суд родительских прав. Ребенок после этого обрел новых родителей из Штатов, увеличив накопления Васильевой, а Плевков со своей спутницей жизни остался в столице на радость черным риелторам. Так они на пару и жили, как и все наркоманские семьи, в ожидании то «прихода», то «ломки». Стратегическая же задача также не отличалась от задач и перспектив подобных пар – загнуться от СПИДа или передоза...

«Когда ты сдохнешь? – подумал Колган, выходя из машины, и повеселел от собственного вопроса: – Теперь знаю, скоро!»

– Ты чего так долго? – надломленным голосом спросил Плевков.

– У-уу! – протянул Колган, разглядывая его лицо. – Так ты уже конкретно торчишь?!

Взгляд затуманенных и полных отчаянной боли глаз Плевка блуждал, а в расширенных зрачках был ужас надвигающейся ломки.

– Не подкалывай! – простонал Плевков. – Худо мне...

– Когда завяжешь? – заранее зная, что никогда, спросил Колган и огляделся по сторонам. Мало ли? Вдруг этот недоумок с подружкой приперся? Он хоть и сказал ему, что одного ждет, да только наркоману верить – последнее дело.

Но бледной, с рассеянным взглядом, Зойки, прозванной на районе за скандальный и агрессивный характер Мегерой, он не увидел. Зная, что прятаться та не могла, успокоился:

– Ты сейчас как?

– В смысле? – простонал Плевков.

– С тобой говорить можно?

– А то, – Плевков вытащил из карманов синюшного цвета руки. Скрюченные, с пожелтевшими ногтями, они напомнили Колгану лапы кур, которые в перестройку приносила с работы мать.

– Дело у меня к тебе одно есть, – размышляя, потянет Плевок работу или нет, заговорил Колган, – только вот боюсь, что не справишься ты.

– А что делать-то? – Плевок сглотнул слюну, как голодный, увидевший кусок хлеба. При этом его огромный кадык нырнул куда-то под воротник куртки и снова вынырнул.

– Пошли в машину, – решил Колган.

В салоне «Форда» вмиг запахло немытым телом, табаком и ацетоном...

– Ну от тебя и духан! – опешил Колган. – Ты мне всю машину провоняешь!

– Гонишь! – простонал Плевок и зажал ладони коленями.

– В общем, так, – глядя на снующих по тротуару людей, заговорил Колган. – Решил я свою жизнь устроить с одной женщиной, а они, как ты знаешь, любят героев.

Словно не слыша его, Плевок стеклянным взглядом смотрел на дорогу.

«М-да, если даже не я тебя сегодня грохну, ты сам до Нового года окочуришься», – подумал Колган, а вслух продолжил:

– Есть у меня план, как ее расположение завоевать...

– А я здесь при чем? – Плевок вымученно посмотрел на Колгана.

– А при том, – Колган развернулся к нему всем телом. – Я с этим человеком благодаря тебе познакомился.

– Как это? – тусклым голосом удивился Плевок.

– Помнишь, когда тебя родительских прав лишали, в суде выступала Трухаева Лариса Георгиевна? – спросил Колган, заранее зная, что Плевок не только не помнит участвовавших в процессе по лишению его родительских прав, но и не сразу назовет дату рождения отобранного у них с сожительницей ребенка.

– Издеваешься? – грустно улыбнулся наркоман. – Я только тебя и помню...

– Сегодня я буду ее провожать домой, – стал вводить в курс дела Колган. – Ты подкатишь к нам в проезде под домом и начнешь угрожать ножом. Я тебе слегка наkostenю. Придется немного потерпеть, но разве это сравнится с ломкой?

– Сколько платишь? – отрешенно глядя перед собой, спросил Плевок.

– Называй цену, – удивленный его равнодушием, предложил Колган.

– Я же не знаю еще, как ты меня бить будешь, – ошарашил Плевок неожиданно включившимся интеллектом. – Вдруг калеккой на всю жизнь сделаешь?

– А ты даже на это согласен ради дозы? – опешил Колган.

– Знаешь, иногда думаю, зачем такая жизнь? – с тоской в голосе признался Плевок. – Давай заедем на точку?

– Чего, совсем плохо? – с сочувствием спросил Колган.

– Мочи нет, – кивнул наркоман. – А потом и поговорим.

– Не подведешь? – на всякий случай спросил Колган.

– Ты же мент, – усмехнулся Плевок. – Сам знаешь, наркоману верить нельзя...

– Вот за это я тебя уважаю, – стал рассыпаться в похвалах Колган. – Ты чувство юмора не потерял. А то, что не соскочишь, я уверен, иначе бы я к тебе не обратился. Да и подыграть ты как следует сможешь. Артист...

– Так едем или нет? – с надрывом спросил Плевок.

– Успеешь, – Колган сунул руку за спинку его сиденья и достал папку. Неторопливо вынул из нее два стандартных листа бумаги и положил сверху, чтобы было удобнее писать.

– А это еще зачем? – нахмурил единственной морщиной лоб Плевок.

– Сейчас ты напишешь две заявки на имя участкового уполномоченного... Фамилию хоть помнишь?

– Чью?

– Участкового! – не выдержал и повысил голос Колган.

– Т... – Плевок закатил глаза: – Трофимов!

– Не совсем мозги атрофировались, – не удержался Колган. – Держи!
– Зачем? – включил дурака Плевков.
– Я же сказал, заявление напишешь...
– Не, – протянул, отстраняясь от него, наркоман. – Я писать ничего не буду.
– Я тебе денег дам, – напомнил Колган.
– Все равно, – Плевков поежился.
– Эти заявления будут у тебя в кармане, – заверил его Колган. – В твоих же интересах их написать.
– Тогда совсем ничего не понимаю, – Плевков уставился ему в глаза.
– Отстал ты от жизни, – разочарованно вздохнул Колган. – А вдруг тебя там полиция повяжет?
– И что?
– И то, – он ткнул его папкой в грудь: – Пиши!
Плевков недоверчиво посмотрел на Колгана, потом взял папку:
– Диктуй...

* * *

Матвей еще раз постучал носком ботинка в калитку. Снова тявкнула откуда-то из-за дома Жулька и тут же затихла. Собачонка привыкла к соседу и не хотела почему зря шум поднимать.

– Может, умерла? – Матвей приподнялся на цыпочки и заглянул во двор.

Дорожка до самого крыльца была прометена, ставни открыты, а над трубой колыхался разогретый воздух.

– Дурак! – обозлилась Марта, ухватила за кромку забора и забралась на скамейку:

– Ольга Ивановна!

– Да здесь я! – раздался сзади голос. – Чего раскричались?

Матвей обернулся. Женщина стояла в паре шагов от него с двумя сумками в руках.

– Ой, здравствуйте! – Марта взяла руку Матвея и спрыгнула на землю. – А мы думали, что-то случилось.

– Я тоже, – настороженно глядя на гостей, сказала она. – На всю улицу шумите...

– У вас калитка изнутри закрыта, – удрученный тем, что не заметил, как подошла женщина, сказал Матвей. – Разве дома кто-то есть?

– Да ты руку через верх сунь! – улыбнулась она. – Там задвижка...

Матвей нащупал деревянную ручку и сдвинул в сторону. Калитка открылась.

Женщина прошла во двор. Переглянувшись, они прошли следом.

– У нас к вам просьба, – семена следом, заговорила Марта.

– Домой войдем, а там и поговорим? – предложила женщина.

– Давайте я помогу, – спохватился Матвей и взял у нее сумки. Женщина достала ключи, отперла замок.

В наполненном живым теплом деревенской печки доме было уютно. Терпкий запах чая, дерева и герани отчего-то показался Матвею родным.

Женщина забрала у него сумки, поставила на стол и стала раздеваться. Бывшая бухгалтер колхоза жила скромно в одном из немногих деревянных домов, воспоминанием оставшихся в поселке от когда-то большой деревни. Матвею уже приходилось с ней общаться. Когда он строил дом, она готовила его работникам обеды. Однако, как они переехали с Мартой сюда, ни разу не зашла в гости. Женщина с опаской относилась к живущим за высокими заборами людям. К тому же, по слухам, затаила она на новых жителей поселка обиду. Будто бы когда по соседству с ней строил дом один из решивших перебраться поближе к природе коммерсантов,

оттяпал у нее треть огорода. Теперь все они были для нее на одно лицо и подходили под один термин – бандюги.

– Раздевайтесь, чего стоите? – предложила женщина.

– Да мы на минутку, – заволновалась Марта. – Ольга Ивановна, нам отъехать надо.

– Так езжайте, – удивилась она. – Я здесь при чем?

– Вы за собакой не присмотрите?

– Не присмотрю, – ошарашила женщина.

– Чего так? – оторопела Марта.

Слишком странно звучал такой ответ из уст с виду добродушной тетушки.

– Мало ли что приключиться может? – женщина уставилась на них как на несмышленных школьников. – У вас там ведь добра сколько. А если своруют? Нет, – покачала она головой. – Мне не тяжело. Даже в радость, если кто из деревенских попросит. У нас что брать-то? К нам и не придет никто. От пенсии до пенсии перебиваемся.

– Я вам обещаю, если даже что и случится, к вам никаких претензий иметь не буду, – попытался зайти с другой стороны Матвей. – Жалко щенка...

– Вон, просите депутата, – она показала на выходившее во двор окно. – Он у меня оттяпал половину огорода, а потом еще умудрился в суде доказать, что это я на его территорию залезла...

Матвей не терял надежды. Он почему-то был уверен, женщина просто вредничает. Сейчас расскажет все свои обиды и соблаговолит. В деревне всегда так.

– Тогда придется с собой брать, – расстроенным голосом сказала Марта и развернулась к выходу: – Вы уж извините...

– Постой, – нахмурилась бабка. – Сколько вашей собаке?

– Двух месяцев нет.

– Щенок? – кивнула она. – Я думала, большая!

Матвей повеселел. Он прекрасно знал, что бабка не раз видела Пирата. Просто теперь нужно было дипломатично отступить. Годы одиночества сделали свое дело, люди стали искать развлечения даже вот в такой просьбе. Он был уверен, уйдут они, она еще долго будет разговаривать с собой вслух, пока не надоест. Ничего не поделаешь, потребность в живом общении – главное отличие человека от животных. Когда-то Ольга Ивановна работала в коллективе, приходила домой, окуналась в семейные заботы. С соседями обсуждала последние деревенские новости, ругалась, отмечала праздники. Постепенно деревня исчезла. Вернее, на картах-то она осталась, к тому же и выглядеть в разы стала лучше. Только вот люди, которые раньше в ней жили, поумирали и поразъехались. На смену им приехали дети, перемолотые городом, скупили земли богатеи. Вся эта публика, наведывающаяся в эти края лишь на выходные, огородилась глухими заборами от остатков села, по сути, построив их в собственных душах. Теперь, сама того не ведая, эта женщина противилась в одиночку засилью этого бездушья и ханжества, защищая последние рубежи самобытной русской деревни...

Глава 2

Было уже темно, когда Колган въехал на стоянку.

Труха томно вздохнула:

– Что-то мы сегодня припозднились.

– Тебе не понравилось? – он сделал вид, будто расстроился.

– Ты имеешь в виду ресторан? – зачем-то спросила она и кивнула: – Почему же, хорошая кухня, замечательное обслуживание...

Колган вынул ключи из замка зажигания и толкнул дверцу. Щурясь от летевшего в лицо снега, он невольно посмотрел через дорогу. Проезд под домом, где их должен был поджидать Плевко, казался черным пятном.

«Интересно, пришел или нет?» – подумал Колган, обходя машину, чтобы помочь выйти Трухе.

Он не хотел в эту морозную ночь кого-то убивать, а потом еще и прятать труп. Однако нежелание идти к Трухе было сильнее. Нет, он ничего не имел против секса с ней. Несмотря на возраст, чиновница была еще хороша собой, очень старательна в постели. Просто вдруг у него появилось угрызение совести. И вообще, Колган стал ловить себя на мысли, что с возрастом он становится все более сентиментальным. Отправив на тот свет человека, он вдруг на следующий день ощущал потребность сделать что-то хорошее. Иногда отправлялся в церковь, щедро подавая милостыню стоящим на паперти старушкам, мог просто так подвезти замерзающую у обочины женщину...

Если в самом начале Труха вызывала у него неприязнь, то сейчас он вдруг стал испытывать к ней жалость. Колган успокаивал себя тем, что просто достиг совершенства и научился входить в роль. По-своему он сочувствовал этой женщине, которая одна вырастила дочь и добилась таких высот. К его удивлению, чиновница не страдала заносчивостью, а дома ничем не отличалась от миллиона российских женщин. Да, Труха брала деньги, подтасовывала документы, лоббировала интересы Васильевой. Но кто сейчас не нарушает закон? Вся система создана таким образом, что если ты не будешь брать, она тебя перемелет и выбросит. В какой-то мере сейчас Труха стала заложницей именно этого феномена. Она решила выйти из игры и тут же оказалась затянута исправно работающим и не терпящим сбоев механизмом. До того как ее закрутит и начнет растирать и рвать шестернями, остались считанные минуты. Конечно, если Плевко не подведет. Наркоман мог уже потеряться в пространстве, времени, а мог просто окочуриться.

Взявшись под руку, они перешли опустевшую дорогу и направились по заиндевевшему тротуару. Улица переливалась немим разноцветьем рекламных огней и лишь изредка сонно шумела шинами проезжавших машин. В сточных трубах выл ветер.

– Жаль, что завтра вставать рано, – нарушила молчанье Труха.

– Если ты устала, я могу не оставаться, – сказал Колган.

– Нет, ты что? – она испуганно сдвинула ему руку. – Я без тебя не усну!

Они вошли в темноту проезда. Звук шагов, отлетая от стен, россыпью эха застучал по сводам потолка. Дойдя до середины тоннеля, Колган, наконец, увидел на сером фоне падающего со двора света появившийся навстречу силуэт. Труха тоже разглядела отделившегося от стены человека и прижалась к Колгану сильнее.

– Здравсте! – раздался наглый голос Плевка. – А вам мама не говорила, что поздно ходить опасно?

– Господи! – воскликнула Труха. – Кто это?

По всей видимости, ноги перестали ее слушаться, поскольку она практически повисла на руке Геры.

– Ничего не бойся, – он положил ладонь на ее пальцы. – Отпусти.

– Трухаева Лариса Георгиевна! – между тем с пафосом констатировал Плевко. – Заждался я тебя!

Колган был поражен. Он не узнавал наркомана. Его словно подменили.

– Пошли назад! – испуганно пропищала Труха.

– Стоять! – удивил командирским голосом наркоман. – Думаешь, я тебя просто так отпущу?

– Кто вы? – крикнула Труха.

– Я отец Володи Плевава! – представился Плевко.

– Мужчина, я вас не знаю!

– Ты даже не знаешь, у кого детей отбираешь? – надвигаясь на них, понизил голос Плевко.

– А что, другого времени для разговора нельзя было выбрать? – Колган встал и задвинул левой рукой Труху себе за спину.

– Давай сюда бабки и телефоны! – потребовал наркоман.

– Ты определись, что тебе нужно! – стал подыгрывать ему Колган. – Счеты свести или ограбить?!

– Не спорь с ним! – стала умолять Труха. – Отдай, что он просит!

– Если бы просил, может, и дал, – вглядываясь в силуэт Плевка, сказал Колган. – Так он же требует!

– Живее! – взвыл начавший терять терпение Плевко.

– Ой, мамочки! – вскрикнула Труха.

– Чего скулишь, сука?! – Плевко махнул перед носом Геры рукой.

Он даже не разглядел, а почувствовал. Ни наркоман, ни Колган не предполагали вчера, что здесь будет так темно.

– Молодой человек, – обратилась к Плевку Труха. – У меня есть с собой пять тысяч рублей и триста долларов...

– Хватит трепаться, бабки гони! – обдал вошедший в роль наркоман запахом гнилых зубов.

Колган шагнул к нему и двинул наркоману боковым в голову. Целился в висок. Так надежнее. Поставленный удар и ослабленный организм сделали свое дело. Наркоман отлетел к стене и затих.

Не давая опомниться Трухе, Колган подскочил к Плевку. Тот лежал без каких-нибудь признаков жизни. Колган про себя чертыхнулся. Он не ожидал такой реакции. Однако надо было что-то делать.

– Отпусти! – не своим голосом заорал он, имитируя, будто наркоман схватил его.

Нашупав голову, Колган провел ладонями до плеч и силой усадил Плевка.

– Помогите! – завопила не своим голосом женщина.

«То, что надо», – подумал Колган, взял Плевка за лоб и несколько раз с силой приложил о стену затылком.

– Герман! Герман! – пальцы Трухи холодной кожей перчаток скользнули по шее Колгана. – Где ты?

Он выпрямился и резко развернулся к ней лицом:

– Кто это?

– Понятия не имею! – она от неожиданности отпрянула, пропав в темноте.

– Но он назвал тебя по имени-отчеству! – глядя в черноту, напомнил Колган.

– Правда не знаю! – стояла на своем Труха.

– Где ты работаешь? – он шагнул на голос, разглядев силуэт. – О каком суде он говорил?

– Мне надо время, чтобы разобраться! – взмолилась Труха. – Возможно, это действительно как-то связано с моей работой.

– Ты что, судья? – прикинулся, будто не знает, где она работает, Колган.

– Нет!

– А чего он? – Колган замолчал, поймав себя на мысли, что переигрывает: – Нужно срочно пригнать сюда машину!

– Зачем?

– Я, кажется, перестарался...

– Ты убил его? – пропищала Труха.

– Что ты? – он вытянул руки, нащупал ее плечи и притянул к себе: – Нет, конечно. Сейчас мы отвезем его в травмпункт и оставим. Пригони машину!

С этими словами Колган вложил Трухе в руку ключи.

– Может, оставим его здесь? – она приблизила свое лицо к нему.

– Тогда он до утра замерзнет, а нас найдут и посадят...

– Кто нас найдет? – удивилась Труха.

– От автостоянки до арки не одна видеокамера. Так что уже утром можно оказаться в полиции...

– А давай «Скорую» вызовем? – неожиданно предложила Труха. Было видно, ей очень не хотелось иметь дело с врачами и полицией. Скорее всего, она действительно сильно переживала за него.

– Нет, – Колган решительно развернул ее в сторону улицы: – Давай за машиной. Только спокойно...

Колган прислонился плечом к стене и стал ждать. Время шло, а Труха не ехала. Он прошел в начало проезда и посмотрел в сторону стоянки. Над тем местом, где стояла ее машина, в морозном воздухе поднимался дым.

Неожиданно его осветили сзади, и послышался звук работающего мотора. Он оглянулся. В проезд со двора въехала машина, ослепив ярким светом фар. Колган зажмурился и прикрыл глаза согнутой в локте рукой, в последний момент отчетливо увидев лежащего на боку у стены Плевка. Его увидели и сидевшие в машине люди. Раздался скрип тормозов, машина встала.

Колган устремился к машине.

Водитель попытался открыть дверцу, но она, по-видимому, уткнулась в стену. Тогда он высунулся в окно:

– Что здесь происходит?

– Да вот, пьяный лежит, – развел руками Колган.

– Замерзнет ведь!

– Сейчас машина подъедет, – заверил его Колган.

– Так это твой друг? – спросил невидимый из-за света фар мужчина.

– Слушай, проезжай! – утирая выступившие на глазах слезы, взмолился Колган.

– Так отойди! – крикнул мужчина.

Колган шагнул к стене.

Машина медленно проехала мимо.

Колган снял кепку и утер ладонью выступившие на глазах слезы:

– Слава господи!

Сзади раздался скрип тормозов. Он обернулся. Это приехала Труха.

– Открой багажник! – крикнул он, когда женщина показалась из машины.

– Зачем багажник? – ужаснулась Труха.

– Делай, что я говорю! – шикнул он на нее.

– Что это была за машина? – спросила она.

– Откуда я знаю?! – вскипел Колган.

Он подхватил Плевка на руки и поволок к машине. Труха семенила сзади. Ее лица из-за темноты видно не было, но отчего-то он понял, что она плачет.

– У тебя есть пакет? – спросил Колган.
– Что? – не поняла она.
– Пакет! – злился он.
– Ага, сейчас, – Труха бросилась к машине, но на половине пути встала: – Зачем?
– М-мм! – простонал он, не зная как ответить. Ведь наверняка, услышав про кровь, она совсем потеряет над собой контроль. Труха и сейчас уже не в себе. Кто бы в здравом уме позволил грузить раненого в багажник машины?
– Герман, зачем пакет? – повторила она свой вопрос.
– Вдруг его стошнит? – нашелся он и неожиданно повеселел от такого ответа.
Труха не поняла подвоха и нырнула на место водителя. В тот же момент ее лицо осветила лампа, установленная в вещевом ящике. Подчеркнутое теньями, оно казалось мертвым.
Колган подтащил труп к багажнику.
Сбоку возникла Труха и сунула ему в руки пластиковый пакет:
– Вот!
– Садись за руль! – приказал он ей.
Она исчезла. Хлопнула дверца. Колган надел пакет на голову Плевку и перевалил в багажник. Подогнув ноги, закрыл крышку и бросился в машину.
Труха повернула ключ в замке зажигания.
– Не торопись, – стал он ее инструктировать. – Веди себя так, словно ничего не случилось.
– А он не задохнется там? – она посмотрела на него.
– Точно нет, – заверил он ее. – Разве мертвый может задохнуться?
Несколько метров машина катилась ровно. Однако потом стала резко принимать вправо.
Колган схватил руль:
– Что с тобой?!
– Ты убил его? – простонала она.
– С чего ты взяла? – испугался такой реакции Колган.
Свет фар пробежал по стене дома, выхватил бредущего по тротуару бомжа.
– Стой! – принял он решение.
Она нажала на тормоз.
Некоторое время сидели молча. Придя к выводу, что Труха уже осмыслила происшедшее, он убрал с ее лба выпавшую прядь волос:
– Откуда он тебя знает?
– Понятия не имею!

* * *

Свернув с асфальта шоссе на закатанную колесами в лед дорогу, Матвей слегка не рассчитал скорость, и полутонна джип понесло.
Марта вцепилась в ручку дверцы.
– Извини, – выравнивая машину, он увеличил скорость. – Все вокруг одинаково белое, поэтому поздно заметил поворот и поздно начал притормаживать.
– Ты устал, – она осуждающе посмотрела на профиль Матвея.
– Брось, – поморщился он. – Дорога хорошая, погода нормальная...
– И все-таки давай обратно поедем завтра? – предложила Марта.
– Мы еще на место не приехали, – фыркнул Матвей.
– Осталось несколько километров, – Марта зевнула, прикрыв ротик ладошкой.
Матвей понял, поездка ее тоже утомила.
И все же растягивать их путешествие на целые сутки он не хотел:
– Где ты собираешься ночевать?

– Можно вернуться в Ярославль, – Марта с готовностью развернула на коленях карту. – Или поехать другой дорогой...

– Через Кострому, – догадался он. – Давай не будем загадывать?

– Отчего же? – Марта свернула карту и сунула в бардачок. – Всегда надо иметь план.

– Пират изведет соседку, – привел свой аргумент Матвей, вспомнив, с каким трудом удалось уговорить женщину присматривать за щенком.

– Пусть привыкает, – шутливо повысила она голос.

– Кто? – не понял Матвей. – Соседка или Пират?

– Оба! – Марта весело рассмеялась и посмотрела вперед: – Приехали?

Деревья расступились, и дорога пошла по заснеженному полю, на другом конце которого забелели на фоне леса крыши домов.

Едва въехав в деревню, Матвей сразу увидел на другом конце улицы нужный им дом. Вернее, то, что от него осталось. Пепелище выдавали росшие в палисаднике деревья. Они были неестественно черными. Забор оказался разломанным. Все это сразу бросалось в глаза на ослепительном зимнем фоне.

Матвей остановил машину напротив. От дома остались обуглившиеся стены и часть странным образом не сгоревших стропил. Повсюду из-под снега торчали обуглившиеся обломки досок, битое стекло и шифер.

– Ну, что? – подходя ближе, Марта поежилась. – Что ты хочешь здесь увидеть?

– Необходимо хотя бы представлять, как жили эти люди, – Матвей перешагнул через нижнее прясло забора и оказался во дворе.

Слева располагались сарай и навес, под которым была поленница дров. Чуть дальше, практически в саду, за которым начинался огород, что-то вроде летней кухни. Там, где было крыльцо, теперь валялась груда обгоревших досок. Рядом стояла не тронутая огнем собачья будка, к которой был прибит конец заметенной снегом цепи.

– У них была собака, – с грустью констатировала Марта.

– Наверное, она выжила, – предположил Матвей.

Марта поежилась:

– Как пахнет...

Матвей прошел к стене и заглянул через оконный проем внутрь. Посреди прямоугольного помещения стояла печь. Скорее, это была кухня. Слева обгоревший шкафчик, у окна остатки стола, чуть дальше смятый бак для воды.

– Ну, что там? – спросила Марта.

– Я пройду внутрь, – принял он решение и направился к крыльцу. С трудом перебравшись через завалы и изрядно испачкавшись в саже, Матвей, наконец, оказался внутри дома.

– Матвей! – позвала через окно Марта.

– Что? – он посмотрел на нее.

– Ты смотри, там потолок не весь обвалился...

Матвей задрал голову вверх. Поперечные балки тоже уцелели. Теперь на них висели сосульки.

– Пожарные здесь на славу постарались, – скользя по льду, он подошел к печке. Очищенный ото льда пол рядом с ней повторял контуры лежащего на боку человека. Матвей вспомнил рассказ Левы. Здесь нашли останки деда. По версии следствия, он плеснул на дрова керосин, который пролился на пол, отчего возник пожар. Матвей заглянул в соседнюю комнату. Здесь на полу были следы второго человека. Они принадлежали супруге Суркина.

– Странно, – подумал он вслух.

– Что? – заволновалась Марта.

– Не понятно мне, почему они не смогли выскочить...

– До последнего пытались тушить, – напомнила официальную версию Марта. – Одежда воспламенилась, вот и все. Сам знаешь, болевой шок. Разве человек в таком состоянии сообщает?

– Но для этого нужно было хорошо облить друг друга, – возразил Матвей. – Опять же, родственник рассказал, что баночка была литровая...

Матвей открыл дверцу печки. Она оказалась пустой.

Он заглянул в поддувало. Здесь была небольшая горка золы. Столько ее остается с половины охапки дров.

– Ты что-то нашел? – заволновалась Марта.

– Печка пустая.

– Так ведь пожар был, – заметила она.

– Ответ неверный, – улыбнулся Матвей и поднял взгляд на трубу. Задвижка оказалась утоплена до упора. Он огляделся, ища, чем можно вытащить ее, не трогая руками. Ничего не найдя, достал из нагрудного кармана авторучку, дотянулся до язычка, поддел задвижку за отверстие и осторожно потянул.

На голову посыпалась сажа. Полностью вытащив чугунный язык, он осторожно взял его руками и поднес к глазам. Судя по копоти и саже, ее задвинули до пожара.

Матвей осторожно прислонил ее к стене:

– Дрова не могли сгореть.

– Почему?

– Физику хорошо знаешь?

– Относительно, – пожала Марта плечами. – Медику больше нужна химия.

– Печь горит, если в нее поступает через колосники из поддувала воздух. Откуда ему взяться, когда кислород в комнатах выгорел? Причем тяги не было, поскольку трубу не открывали.

– Хочешь сказать, возгорание произошло не от печки? – догадалась она.

– По крайней мере, керосин плескать было не на что, – объяснил Матвей. – И вообще, – он посмотрел на Марту, – сама посуди, кто в деревне, да еще в наше время, будет использовать для растопки горючее?

– Но ведь есть жидкость для розжига каминов, мангалов...

– Марта, – Матвей покачал головой, – для пенсионеров это непозволительная роскошь. К тому же в деревне ее не напасешься. Сколько раз мы выезжаем на природу, чтобы пожарить шашлыки, или разжигаем камин? То-то! А им зимой приходится каждый день печь топить, а в сильные морозы и по два раза в день.

– Почему, когда сюда ехали, ты считал, что это просто несчастный случай? – подспудно чувствуя, что дело идет к новому расследованию, с горечью в голосе спросила Марта.

– А я и сейчас так считаю, – подтвердил он свои слова. – Мало ли для чего керосин мог ему понадобиться? В конце концов, им даже вшей травят.

– Скажешь тоже, – поежилась Марта.

– Это я условно, – стал оправдываться Матвей. – И вообще, кто сказал, что в банке был керосин? Почему бы не самогон? Первач тоже неплохо горит.

С этими словами Матвей подошел к шкафчику и открыл державшиеся на честном слове дверцы. Одна с грохотом отвалилась. Здесь на чудом уцелевших полках стояли стеклянные банки. Впрочем, о том, что они из стекла, можно было судить по знакомой форме. Черные снаружи и изнутри, они даже не просвечивали. Сразу бросилось в глаза, что плотный ряд нарушен. В центре была пустота. Выходит, старик взял тару отсюда?

Матвей выпрямился и направился в соседнюю комнату. До пружин обгоревший каркас дивана, обломки стола...

– Что скажешь? – спросила Марта, когда он оказался на улице.

- Пока только одни вопросы, – отряхивая руки, признался Матвей.
- Значит, ты уже сомневаешься в выводах пожарных?
- Какого числа был пожар? – спросил он, и тут же сам ответил: – Семнадцатого ноября. Нужно узнать, когда здесь дают пенсию. Вполне вероятно, что деньги были причиной того, что здесь произошло.
- Ты все же думаешь, их убили? – догадалась она.
- Я не думаю, а собираюсь последовательно исключить все мотивы, – терпеливо объяснил он.
- Вы кто такие?! – раздался с улицы голос.
- Матвей обернулся и увидел в устроенной огнеборцами бреши забора пожилого мужчину. В наспех надетой телогрейке и спортивной шапочке, он стоял, опираясь на палку.
- А вам кто нужен? – в свою очередь так же вызывающе спросил Матвей.
- Никто, – покачал головой мужчина и с опаской шагнул во двор. – Чего здесь ищете?
- Здесь жили родственники наших знакомых, – Матвей показал на руины. – Они просили посмотреть, есть ли смысл ремонтировать дом.
- Чего же тут ремонтировать? – удивленно воскликнул мужчина. – Его сносить надо, а рядом другой строить.
- А вы, простите, кто? – спросил Матвей.
- Журавлев я, – мужчина сдвинул шапку на затылок и показал рукой на соседний дом. – Здесь живу. Тоже чуть не сгорел.
- Это вы увидели, что соседи горят? – попытался угадать Матвей.
- Нет, – покачал головой мужчина. – Мы уже спали...
- В какое время все случилось? – продолжал допытываться Матвей. Несмотря на то, что он знал из рассказа родственника Суркиных официальную версию, все же хотел проверить.
- Так кто же на часы смотрит, когда пожар? – усмехнулся мужчина. – Точно за полночь было...
- Простите, вас как зовут? – напомнила о себе Марта.
- Павел Иванович. А что? – насторожился мужчина и, спохватившись, добавил: – Журавлев.
- Павел Иванович, а в селе гостиница есть? – Марта хитро посмотрела на Матвея.
- Вот дает девка! – воскликнул мужчина. – Откуда в деревне гостиница? Тут школу собираются закрыть!
- Может, тогда подскажите, у кого на ночь можно остановиться? – Марта сделала лицо жалобным, чем напомнила Матвею котенка из сказки «Кошкин дом». – Мы заплатим.
- У меня можете заночевать, – развел руками мужчина. – А платить незачем.

* * *

- На следующем перекрестке направо! – скомандовал Колган.
- Труха послушно повернула руль и всхлипнула.
- Ты чего? – он насмешливо посмотрел на ее профиль.
- Рядом с ним сидела уже совершенно другая женщина. Припухшие веки, потеки туши от уголков глаз по щекам... Труха как-то сразу стала старой и жалкой. Странно, но чувство жалости и вины, которое он испытывал по отношению к ней, вдруг улетучилось. На смену ему пришла злость. Захотелось, чтобы ей стало еще хуже. Но нельзя. Если у Трухи начнется истерика, ему несдобровать. С трупом в багажнике такие шутки плохи. К тому же он знал, что именно такие минуты потом кормят годы. Сейчас, как никогда, ей нужно мужское плечо. И он его подставит. Правда, по-спартански жестко и скупое, вынудив саму принимать решения.

– Плакать сейчас как раз нельзя, – Колган провел обратной стороной ладони по холодной щеке. Труха вдруг котенком потянулась за ней, но он убрал руку.

– Куда ты меня втянул? – жалобно простонала она.

– Я?! – возмутился он. – А разве не тебя этот парень ждал?

– Меня, – подтвердила она. – Только я бы его не стала убивать.

– Конечно! – с сарказмом воскликнул Гера. – Ведь он бы убил тебя. И сейчас ты лежала бы на заиндевевшем и заплыванном асфальте с остекленевшим взглядом.

Он очень надеялся, что Труха сейчас представит себя мертвой. Он должен помочь ей заглянуть за черту, где кончается красивая жизнь и начинается грязь и мерзость. Колган не понаслышке знал, как заботит женщин их внешность после смерти и как они начинают относиться к жизни после такого стресса.

– Послушай, давай отвезем его в больницу? – завела Труха старую пластинку.

– Ага! – нервно хохотнул он. – И сядем лет на пятнадцать.

– Почему? – ужаснулась Труха. – Это же случайность!

– Сама посуди, убийство, – стал он перечислять. – Скрылись с места преступления. Ко всему нас двое, а это «групповуха». То есть часть вторая, а она всегда строже. Кроме того, я до сих пор не знаю, за какие такие грехи этот несчастный тебя ждал в столь поздний час? О каком суде говорил? Может, еще есть отягчающие обстоятельства?

– Я правда его не знаю, – всхлипнула она и резко затормозила. Колган полетел лицом вперед, в последний момент едва успев выставить руку.

– Ты чего? – Колган проследил за ее взглядом.

Впереди маячили две фигурки сотрудников ГАИ. В свете фонарей их жилеты сияли светоотражающими надписями и полосками. Рядом стояла патрульная машина.

– Испугалась? – сделал вид, будто удивился он, на самом деле тоже ощутив неприятный холодок тревоги.

– Нас арестуют, – Труха тихо заскулила. Уголки ее губ при этом опустились еще ниже.

– Если будешь так себя вести, то обязательно, – заверил ее Колган. – Поехали! Они не станут осматривать багажник, если на то нет веских оснований.

– Я не могу, – захныкала она. – Езжай один...

– Вот даешь! – удрученно вздохнул Колган. – Хорошо, поехали обратно. А труп пока у тебя в ванной спрячем.

Труха поперхнулась.

– Ну, извини, погорячился, – продолжал он издеваться, строя из себя дилетанта. – Можно в машине оставить. Сейчас холодно, он долго вонять не будет...

– Нет! – завывала Труха. Бедняжку так затрясло, что ему показалось, еще немного, и она вырвет руль.

– Тогда езжай, – он накрыл ее руку своей ладонью.

Труха замотала головой:

– Я боюсь!

В этот момент сотрудники полиции остановили проезжавший мимо «Хаммер».

– Езжай, пока они заняты, – заторопился Колган. – Если остановят, молчи. Я буду говорить.

Словно под гипнозом Труха тронула машину с места.

Благополучно проехав мимо поста, они еще некоторое время катились по улице.

– Сейчас сразу за светофором будет дом, – вглядываясь вперед, заговорил Колган. – Въедешь во двор...

Труха послушно повернула направо. Они выкатились на зажатую со всех сторон домами площадку.

– Езжай прямо! – скомандовал он.

Слева потянулись ряды машин. Потом проплыли мусорные баки и трансформаторная будка.

– Здесь осторожнее, – заволновался Колган. – Переключись на ближний свет, а то нас далеко видно.

Раздался щелчок переключателя, и чернота броском приблизилась к машине.

С двух сторон покрытой льдом дорожки потянулись уложенные в штабеля бетонные плиты, между которыми торчали ветки мелких деревьев и кусты. По корпусу машины зловеще зашуршали сухие стебли лебеды и полыни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.